

ЕЛЕНА ЧУМАКОВА

РОМАН

ТАМ, ГДЕ ПОЮТ СОЛОВЬИ

16+

Елена Чумакова

Там, где поют соловьи

«Автор»

2021

Чумакова Е.

Там, где поют соловьи / Е. Чумакова — «Автор», 2021

Полное загадок семейное предание... Представьте, что привычный мир вокруг оказывается чуждым, близкие люди не теми, за кого себя выдавали, и даже вы сами совсем не тот человек, кем себя считали. В такую ситуацию попадает Агата, распутывая семейную тайну. Куда заведет отважную путешественницу неумный характер? Нам не дано предугадать последствия наших решений. Как выбор Агаты сказался на судьбе ее дочери Стеллы? Придет время, и она тоже окажется на распутье. Что для нее станет самым важным? Роман ранее был опубликован в двух томах. Книга стала призером Открытого межрегионального конкурса "Книга года: Сибирь - Евразия - 2023"

© Чумакова Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Книга первая. Где мое место	5
Глава 1. Странный конверт	5
Глава 2. Омаха	11
Глава 3. Тайн становится больше	16
Глава 4. Утонувший венчик	20
Глава 5. Нечаянная любовь	25
Глава 6. Степан	30
Глава 7. Кто ищет, тот найдет	34
Глава 8. Семья Крутихиных	39
Глава 9. Тайна семьи Сластуновых	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Чумакова

Там, где поют соловьи

Книга первая. Где мое место

Глава 1. Странный конверт

Август 1905 года, штат Небраска.

Жаркий ветер, подувший со стороны Канзаса, не освежил разгоряченное работой лицо Агаты, но вызвал беспокойство. Девушка сняла с плеч и опустила на землю наполненную початками кукурузы плетеную корзину, расправила затекшую от ее тяжести спину. Она смахнула со лба прилипшие пряди темных волос, огляделась из-под ладони. Невысокого роста, в отцовских рабочих штанах, закатанных почти до колен и затянутых ремнем на тонкой девичьей талии, в клетчатой, сильно выгоревшей и просоленной потом мужской рубашке, в старой соломенной шляпе она больше походила на мальчишку-подростка, чем на барышню, хозяйку фермы.

Справа и слева от нее в зарослях кукурузы мелькали руки батраков, собирающих урожай. Слишком раскаленное для конца августа солнце клонилось к западу. Порыв ветра волной прокатился по вершинам кукурузных стеблей. Редкие облачка обманчиво-спокойно плыли высоко в ясном небе, но на юге теснились над горизонтом, словно отара овец. Агата закричала, замахала руками, привлекая внимание батраков и показывая в сторону сгущавшихся облаков. Билл, рослый мулат, считавшийся старшим в артели, оставил работу, подошел к девушке.

– Похоже, надвигается торнадо, мисс, – сказал он, вглядываясь в темнеющий горизонт.

– Да. Надо заканчивать работу, грузить корзины и поспешить к амбару, там укроемся. Где Том с повозкой? Вечно этот мальчишка застревает в дороге!

Молоденькой фермерше было всего семнадцать, однако после внезапной кончины отца груз ответственности за работы в поле вынудил ее быстро повзрослеть. Делами фермы жесткой рукой заправляла мать Агаты, миссис Барбара Свободова. Она и при жизни мужа вела все счета, договаривалась с закупщиками. Михалу или, как его здесь называли, Майку Свободе оставалось командовать батраками в поле да заботиться об урожае. Спокойный, рассудительный, он легко находил общий язык почти со всеми соседями и работниками. Агата души не чаяла в своем отце, как и он в ней. Его внезапная кончина год назад стала трагедией для семьи, от которой ни жена, ни дочь так и не оправились. Девушка порой слышала, как мать шепотом разговаривает с фотографией умершего мужа на непонятном языке. Сама Агата выросла на этой ферме в сердце штата Небраска, слышала вокруг английскую речь и языка родителей, эмигрантов из Чехии, не понимала. Впрочем, пользовались они им очень редко, только когда хотели что-то скрыть от окружающих. На вопросы любопытной девочки отвечали, что ей знание чешского ни к чему, и время на него убивать не стоит.

– А вон и Том, – Билл показал на мчащуюся со стороны фермы в облаке красноватой пыли повозку, – ишь, как торопится! Чует кошка...

– Нет, что-то не так... вон как лошадь настигает... Уж не случилось ли чего?

Агата побежала к дороге, раздвигая упругие кукурузные стебли с жесткими листьями. Следом потянулись батраки с наполненными корзинами.

– Мисс, бегите скорей на ферму, с миссис Барбарой беда, помирает она!

Агата в растерянности оглянулась на быстро темнеющее небо, на корзины с урожаем, выстроенные вдоль дороги.

– Быстро грузите кукурузу, везите в амбар, – крикнула Биллу, затем повернулась к Тому, – Отвезешь корзины, переждешь там торнадо, и сразу скачи за доктором в Тьювалз.

И, не тратя времени на расспросы, побежала по пыльной дороге в сторону фермы.

В глубине души Агата не поверила словам мальчишки, во всяком случае, что дело настолько плохо. Всего несколько часов назад они с матушкой вместе завтракали омлетом с кукурузными лепешками, и выглядела она вполне здоровой. Миссис Свободова вообще была женщиной крепкой, все хвори переносила на ногах, не жалуясь и не давая себе поблажек. Как-то невозможно было представить ее умирающей. Конечно, Том досочинил или напутал, и все окажется не так страшно. Уж она задаст потом этому мальчишке!

Однако, переступив порог дома, Агата поняла, что Том ничего не приврал. И вопрос, какого черта мальчишка делал на ферме, когда должен был работать в поле, вылетел у нее из головы. Матушка лежала на полу в столовой, около нее суежилась перепуганная служанка Мэг, мать Тома.

– Ой, мисс Агата, как хорошо, что вы быстро пришли! Давайте вдвоем переложим миссис Барбару на кровать, одной мне это не под силу.

С большим трудом женщины взгромоздили на кровать ставшую необычайно тяжелой хозяйку дома.

– Она пожаловалась, что у нее кружится голова, и вдруг упала... и забилась, – торопливо рассказывала Мэг, поправляя подушки. – Встать не может, что говорит – непонятно, хрипит... Господи, спаси и сохрани! Испугалась-то как!.. Потом разобрала, вас зовет. Я и послала Тома.

Перепуганная девушка опустилась на колени возле постели матери, взяла ее за руку. Лицо Барбары исказила странная гримаса, правая половина его выражала страдание, а левая застыла неподвижной маской, оплыла, словно тающая свеча.

– Матушка, я здесь, все будет хорошо...

Барбара мучительно пыталась что-то сказать, показывая правой рукой куда-то в угол.

– О-о-ла...

– Матушка, это я, Агата... что ты хочешь? Что-то подать?

Сильный порыв ветра хлопнул ставней, звякнуло треснувшее стекло. Девушка метнулась к окну, с трудом справилась с рамой, закрыла ставни, а когда вернулась, все было кончено. Лицо Барбары успокоилось, разгладилась тревожная складка между бровями, крупная рука с цепкими пальцами разжалась, безжизненно свесилась с кровати. Снаружи бушевала стихия, сотрясая стены дома, а в комнате повисла тишина. Только Мэг тихонько плакала и шептала слова молитвы. Дочь сидела у кровати ошеломленная случившимся, еще не веря, еще надеясь.

Доктор, позже привезенный Томом из Тьювалза, констатировал смерть от апоплексического удара. Агата осталась совсем одна, без защиты в этом неласковом мире.

Похоронили Барбару на холме, рядом с могилой мужа. Народу на похоронах было совсем немного: фермеры с двух ближних хозяйств да сезонные работники. Семья Свободовых не была общительной. А уж родни в этих краях у эмигрантов из Чехии не было вовсе.

После поминок, когда соседи уже ушли, Билл замялся в дверях.

– Я насчет завтрашнего дня...

– Ах да, завтра... кукурузу надо срочно убирать, перестояла уже, зерно осыпается, уж только на фураж и сгодится, – вяло отозвалась новая хозяйка фермы.

– Да я это... не ждите нас, короче, – Билл топтался в дверях, мял в заскорузлых от работы руках кепку. – Мы это... там, неподалеку, на поле Шакли работать будем.

– У Бена Шакли? Почему? Вы же столько лет работаете на нашей ферме!

– Я помню, мисс. Но поймите, нам надо свои семьи кормить. А Шакли обещал заплатить поболее. И потом, если начистоту... вряд ли столь юная мисс справится с фермой одна. Не сумеете продать урожай, и останутся наши дети голодными.

– Если вы меня сейчас бросите, то я точно не справлюсь, а вместе-то почему не справимся? У нас есть постоянные покупатели, помогите только собрать урожай.

– Не, мисс, не выйдет... Я видел, как мистер Шакли разговаривает с мистером Дюком, вашим закупщиком... Вы уж на нас не сердитесь, рассчитайтесь с нами по-честному... Кто, кроме нас, позаботится о наших семьях?

– А я? Что будет со мной? С фермой, на которой вы столько лет работали? Ведь мы вместе засеивали эти поля! По-честному, говорите? А вы со мной по-честному поступаете? Мне-то что делать?

Билл мучился, топтался в дверях, страдальчески вздыхал, пряча взгляд.

– Ну, я не знаю... Мы так решили. Вы уж не держите обиду... Наймите других работников.

– Да где же я, в разгар страды, других работников найду?! Вы же мне прямо нож в спину... Ну хорошо, давайте я вам заплачу столько, сколько этот шакал Шакли обещал. Сидел тут, на поминках, сочувствовал!

– Не, мисс, вам не потянуть. Мы уж это с ребятами обсудили. Да и совестно вас обдирать.

– А бросить не совестно? И отец, и матушка были к вам добры, и с деньгами не обманывали, всегда честно рассчитывали.

– Это да. Что правда, то правда. Но их ведь нет больше, а вам, мисс, уж не обижайтесь, нипочем не справиться. И сами разоритесь, и нас без денег оставите. Короче, не ждите нас завтра.

Билл махнул рукой и вышел. Агата проводила глазами его крупную, сутулую фигуру, размахивающую при ходьбе длинными, словно вытянувшимися от многолетней тяжелой работы руками. Новая беда тяжким бременем легла ей на плечи.

С рассветом молоденькая фермерша была уже в поле. В глубине души она надеялась, что работники все же придут, не бросят ее в такой нелегкий момент. Но никто не появился. Агата в одиночку упрямо ломала початки, таскала тяжеленные корзины к дороге, откуда их увозил Том. Мэг осталась на ферме, в поле выходить отказалась, сославшись на больные ноги. К вечеру девушке стало ясно, что на одном упорстве ей ферму не спасти от разорения. Всю ночь она ворочалась без сна, мучимая тяжкими мыслями и страхами, а утром велела Тому заложить повозку и отправилась к Бену Шакли.

Переступив порог просторного приземистого дома, окруженного крытой галереей, Агата застала семейство Шакли за завтраком. Рядом с Беном за столом сидели его сыновья Джон и Луис, все трое рослые, с одинаково жестким взглядом широко расставленных серых глаз. Жена Бена, молчаливая, рано постаревшая женщина, за стол с мужчинами не садилась. Миссис Шакли обычно настолько старалась быть незаметной, что Агата даже не смогла вспомнить ее имя. Поставив на стол блюдо с тыквенным пирогом, она скрылась за дверью, едва кивнув в ответ на приветствие соседки. Бена появление Агаты ничуть не удивило, казалось, он ждал гостью, широким жестом пригласил ее к столу. Но девушке было не до церемоний и угощений, она сразу приступила к делу.

– Мистер Шакли, вы ведь, кажется, были дружны с моим отцом?

– Да-а, немало нами было выпито пива в «Зеленой свинье», хе-хе.

– И мы всегда были добрыми соседями?

– Ну-у... почти всегда.

– Так почему сейчас вы делаете все, чтобы разорить меня, его дочь? Ведь вы знаете меня с раннего детства!

– Ты ошибаешься, детка. Я вовсе не хочу тебя разорить. Сочувствую твоему горю и готов помочь. Чем смогу.

– Но вы же переманили у меня рабочих в разгар страды! Переманиваете закупщика... Скажете, не так?

– Конечно, не так! Просто урожай в этом году отличный, мне нужны дополнительные рабочие руки, я готов платить хорошие деньги и могу снизить закупочную цену на кукурузу. Почему я должен терять свою выгоду? Это жизнь, детка. А тебе я зла не желаю. И даже готов дать дельный совет.

– Да? И какой же?

– Тебе, девчушке, одной не справиться, ферме мужские руки требуются, хозяин. Замуж тебе надо, вот что я тебе скажу. Вот, погляди: Джон... Луис... чем не женихи? Выбирай, который больше по сердцу. Из обоих справные хозяева получатся, знают толк в работе. Объединим фермы, кто нам противостоять сможет? Сами порядки устанавливать будем!

Агата, не ожидавшая такого поворота в разговоре, растерялась. Взглянула на сыновей Бена, оба продолжали невозмутимо жевать, словно не о них шла речь. Вспомнила, как в детстве дралась с ними, спасая кошку, которой братья устроили казнь. И кошку не спасла, и самой нос расквасили. Представить кого-то из них своим мужем? Только не это!

– А еще варианты есть? Что-то мне кажется, что ни один из ваших сыновей не мечтает стать моим мужем.

– Это не препятствие, как скажу, так и сделают. Но есть еще вариант, если этот не годится. Я могу подумать о покупке твоей фермы. Вы с матушкой, конечно, хозяйство запустили, чего ждать от баб... Теперь ферма не больно-то лакомый кусок... столько в нее вложить сил и денег надо, чтобы порядок навести. Но так и быть, куплю за хорошую цену. По старой дружбе. Кто ж еще тебе, сироте, поможет?

– А если я откажусь и от этого варианта?

– Хм... Сгниет твоя кукуруза под дождем. Ферма захиреет и никому уже будет не нужна. Тогда уж я тебе помочь ничем не смогу. И никто не поможет.

Выйдя от Шакли, Агата отправилась напрямик на свое поле. Она сидела на меже на перевернутой корзине и под царапающий шелест кукурузных листьев обдумывала ситуацию. Выйти замуж за одного из сыновей Бена? Ни за что! Продать ферму? Но это единственное, что у нее есть, ее дом, ее кусок хлеба! Где и как она будет жить? Ведь она только и умеет, что работать в поле. Пытаться в одиночку отстоять свою ферму от жадного соседа? Мало шансов выиграть эту войну. Кто даст ей дельный совет? Дельный совет... Ну конечно! Единственный человек, с которым стоит посоветоваться, это нотариус, мистер Эванз. Как она сразу о нем не подумала?! Отец доверял этому человеку все свои дела, значит, и она может ему довериться.

Агата услышала шум раздвигаемых листьев и скрип сапог. Оглянувшись, заметила над кукурузным морем соломенную шляпу Джона Шакли. Он остановился в паре шагов от девушки, молча рассматривая ее взглядом сверху вниз. Затем опустился на соседнюю межу.

– Упрямая ты... Неужели думаешь в одиночку свои поля убрать?

– А это не твое дело. Сколько уберу, все мое будет.

– Эт верно. Эт так... А давай, помогу тебе? В охоточку! Кто больше и сноровистей, а?

И, не дожидаясь ответа, вскочил, схватил пустую корзину и начал ломать початки. Агате ничего не оставалось, как присоединиться. Они работали все азартнее, подшучивая друг над другом, ревниво поглядывая, как наполняются корзины. Наконец Джон остановился.

– Эй, смотри, сколь я набрал! Почти вдвое против твоего. Вишь, что значит мужская сила! Со мной не пропадешь, девка!

Агата не успела понять, что происходит, как оказалась притиснутой к его груди, ощутила разгоряченную плоть сквозь мокрую от пота одежду, запах лукового пирога и сидра.

– Ну, не упрямься... Я ведь того... жениться...

Она попыталась оттолкнуть его, вывернуться из стиснувших ее рук, но куда там! И тогда она, что было сил, вцепилась зубами в его мясистый нос. Джон взвыл, отшвырнул ее в сторону. Агата вскочила, извернувшись, как кошка, и побежала к дороге, к своей повозке. Следом, чертыхаясь, тяжело бежал ее обидчик. Впопыхах он запнулся о наполненную корзину. Початки

высыпались на межу, ноги запутались в корзине. Девушка успела добежать до повозки, вскочить на козлы и схватить кнут. Хлестнула по ухватившимся за борт рукам Джона. Второй удар кнута пришелся по крупу лошади, и та рванула с места так, что спавший в повозке Том едва не выпал на дорогу.

Влетев во двор своей фермы, Агата выскочила из повозки, бросив в ней ошалевшего спросонья мальчишку, вбежала в дом и заперла дверь на засов. Зачерпнув железной кружкой воду из ведра, Агата залпом выпила несколько глотков, остальное плеснула себе в лицо. Это помогло ей прийти в себя. Слушая заполошное кудахтанье служанки, Агата думала, что ни Мэг, ни Том не смогут защитить ее. А что Джон Шакли, подбадриваемый отцом, окажется настырным, она не сомневалась.

Через час крытый тарантас с Томом на козлах остановился перед конторой нотариуса на пыльной главной улице городка Тьювалз. Из тарантаса вышла Агата, умытая и тщательно причесанная, одетая в приталенный серенький в тонкую лиловую клетку костюм. Голову покрывала соломенная шляпка с траурной черной лентой вокруг низкой тульи.

Мистер Эванз встретил ее приветливо, внимательно выслушал просьбу девушки. Несколько раз в задумчивости прошелся по кабинету, прежде чем дать совет.

– Выходить ли вам, мисс, замуж за одного из Шакли, решать только вам, тут я не советчик. А вот насчет продажи фермы... пожалуй, это лучшее решение. Что вас ждет в этой глуши? Непосильная каждодневная работа, от которой вы рано состаритесь. Я знаю вас с тех пор, как вы верхом на деревянной лошадке скакали по двору, – нотариус улыбнулся собственным воспоминаниям, – и помню, как вы хотели учиться, как тянулись к книгам. Если бы ваша матушка не была против, вы бы могли получить неплохое образование. Головка-то у вас светлая! Продавайте эту ферму. Только не слушайте Бена, аставляйте на торги, так вы выручите за нее куда большую сумму. Ферма-то в хорошем состоянии, что бы ваш сосед ни говорил. Уж я-то знаю. А чтобы Шакли не наложили на нее свою волосатую лапу, давайте оформим доверительное управление на меня, до тех пор, пока вступите в свои наследственные права по закону. Это их отрезвит. Как только продадите ферму, большую часть денег положите в надежный банк под проценты, а на остальные поезжайте в Омаха. Там в Медицинский центр штата Небраска, насколько я знаю, принимают на учебу девушек. И будет у вас совсем другая, интересная жизнь. В большом городе и судьбу свою легче встретить.

– Вы думаете, у меня получится? Страшновато...

– Не сомневаюсь. Решайтесь, мисс!

Прошло несколько месяцев. Миновала холодная, но малоснежная зима. Вступив в права наследования и оформив с помощью мистера Эванза бумаги, мисс Свободова выставила ферму на продажу. Покупатель нашелся быстро и цену дал хорошую.

Готовясь к отъезду, Агата разбирала вещи. В сундуке под образами, где хранились ска-терти, вышитые полотенца, отрезки тканей, столовое серебро, то, что копилось годами и пред-назначалось ей в приданое, она наткнулась на запертую шкатулку. Ключа не было. Агата вспом-нила, что на шее у матери всегда висел на шнурке маленький ключик, наверное, тот самый. Ей помнилось, что она сняла этот ключик перед похоронами и убрала его куда-то на полку. Вот только на какую? После недолгих поисков ключ был найден. В шкатулке лежали акции Пенсильванской железной дороги, банковские облигации и самодельный конверт из оберточ-ной бумаги. Он был тщательно заклеен. Вскрыв его, Агата обнаружила потертый на сгибах, пожелтевший от времени листок с частично выцветшей фиолетовой печатью. Документ был на незнакомом языке. Прочитать его девушка не смогла. Покрутив в руках странную бумажку, она сунула ее обратно в конверт и бросила на кучку ненужных вещей. А шкатулку с ценными бумагами уложила на дно своего саквояжа.

Последняя ночь в родительском доме. Агата долго не могла уснуть, в голове роились мысли о том, сколько могут стоять найденные ею акции, что делать с облигациями и какая жизнь ждет ее в Омаха. О том, что совсем скоро в родных стенах будут жить чужие люди, и она никогда не сможет сюда вернуться, девушка старалась не думать. Сквозь долгожданную дрему она услышала, как ветер хлопнул ставней, в памяти вдруг ясно всплыли подробности того ужасного августовского дня. Словно вновь увидела, как мать пытается что-то сказать и показывает рукой куда-то в правый угол комнаты, а потом кладет руку на грудь. Тогда Агата решила, что умирающая показывает на образа, просит подать ей икону. А ведь сундук, в котором она нашла шкатулку, стоит как раз под образами! А ключ от шкатулки матушка носила на груди... Она хотела сказать о ценных бумагах? Или... Она произнесла непонятное «О-о-ла»...

Агата вскочила, сунула босые ноги в ботинки, накинула поверх ночной сорочки платок и выбежала во двор. Втащила по снегу в дом мешок, приготовленный для повозки мусорщика и, порывшись в нем, отыскала странный конверт. При свете керосинки еще раз взгляделась в загадочный листок бумаги. Похоже на какой-то документ... Вот слово, начинающееся с заглавной «О», одинаковой во всех языках, а дальше несколько непонятных крючочков... Может быть, это чешские буквы? А может, этот документ и есть то, о чем пыталась сказать перед смертью матушка? Выходит, эта бумага важнее акций? Какую тайну она хранит? Агата бережно вложила листок в конверт и убрала в свой саквояж.

Рано утром бывшая хозяйка фермы наскоро попрощалась с Мэг и постаралась как можно быстрее покинуть дом. Уезжая, не позволила себе оглянуться на ферму, где прошли ее детство и юность. Как только тягостный момент миновал, мысли Агаты переключились на будущее.

Глава 2. Омаха

Февраль 1906 года, штат Небраска.

Вокзальные часы показывали восемь вечера, когда Агата сошла с поезда на крытый перрон вокзала Омаха. Нагруженная тяжелым, довольно громоздким багажом, она старалась не отстать от других пассажиров, вместе со всеми прошла через здание вокзала и оказалась на улице. Здесь людской поток распался, смешался с прохожими, и девушка в растерянности остановилась. До этого дня ездить дальше Тьювалза юной фермерше не приходилось. Впервые она попала в большой город и с любопытством глазела по сторонам: огни уличных фонарей, обилие ярко освещенных витрин, улица, похожая на русло реки, по которому текли потоки экипажей, спешащих людей. Изредка, гудя клаксонами, проносились авто, обдавая пешеходов парами бензина. Но больше всего удивили дома, это нагромождение этажей, окон. В Тьювалзе домов выше двух этажей не было, а здесь она насчитала и четыре, и пять! «Как же в них люди живут? Страшно, наверное, жить так высоко, – думала она, глядя на освещенные окна верхних этажей. – А внизу и того страшнее: жуть столько камня над твоей головой!»

Вдоль улицы дул пронизывающий ветер. С неба, казавшегося черным по сравнению с искрящимся под фонарями снегом, сыпалась и сыпалась колючая снежная крупа. Девушка зябко поежилась, отыскала в кармане бумажку с адресом отеля, которую вручил ей перед отъездом мистер Эванз. Каждый раз, приезжая в Омаха по делам, он останавливался именно там.

В свете фонаря прочитала: «Проехать от вокзала на трамвае пять остановок до отеля «Favorite». Дуглас стрит, дом...». Оглядевшись, увидела, что по рельсам, проложенным вдоль улицы, катится освещенный вагон. И внутри, и на крыше, куда вела винтовая лестница, сидели люди. Догадавшись, что это и есть трамвай, Агата торопливо похватила свои вещи и кинулась к нему наперерез. Рядом раздался вскрик. Она почувствовала резкий рывок назад, поскользнулась, упала. Мимо, отчаянно сигналив клаксонами, промчался автомобиль. Мужчина, выдержавший Агату из-под его колес, помог ей подняться. Лицо его под козырьком низко надвинутой кепки было сердито.

– Эй, мисс, вам что, жить надоело? Куда под машину кидаетесь? Смотреть по сторонам надо. Тут вам не двор вашей фермы, а город!

– Так мне на трамвай сесть надо! Ну вот, уехал...

Агата чуть не плакала, отряхивая подол.

– Чтобы сесть в вагон, надо дойти до остановки. Вон она, слева от вокзала. Посреди улицы трамвай не останавливается.

– Спасибо. А как вы догадались... ну, насчет фермы?

Мужчина только хмыкнул в ответ и, подняв повыше воротник тужурки, торопливо пошел прочь.

Ждать следующий трамвай пришлось довольно долго. С трудом забравшись со всеми своими вещами по неудобным ступенькам внутрь, Агата замешкалась. Вагон тронулся, пол дернулся под ногами девушки, и она, не удержав равновесия, ткнулась лицом в спину стоящего впереди джентльмена. И вновь заслужила сердитый взгляд. В вагоне было тесно и холодно. Нет, этот город, такой неприветливый, полный опасностей, ей определенно не нравился. Занятая своими мыслями, Агата забыла считать остановки. Сколько она проехала? Одну? Две? Которая остановка пятая? Наконец решила выйти.

Она оказалась на темной пустынной улице, зажатой между мрачными домами из красного кирпича. Здесь не было такого количества фонарей, как в районе вокзала, большая часть улицы тонула в темноте. Снегопад усилился. Ветер крутил поземку, из-за которой мостовая и все окружающие предметы теряли четкие очертания. Никакого отеля поблизости не наблюдалось. Кажется, она сошла не на той остановке. Проехала? Или не доехала? В какую сторону

идти? И спросить не у кого... Улица в этот довольно поздний час была пустынна. Только освещенные окна подтверждали, что город обитаем. Там, за этими стенами, жили люди, много людей, но им не было дела до заблудившейся в каменных дебрях замерзшей девушки.

Вместо отеля Агата заметила трактир, расположенный в полуподвальном помещении. Она спустилась по щербатым каменным ступеням и толкнула дверь. Внутри было тепло, накурено и шумно. Компания крепко подвыпивших мужчин играла в карты. Мимо Агаты пробежал лакей, едва не задев ее подносом, уставленным кружками с пивом.

– Эй, мисс, желаете выпить? – из-за барной стойки вошедшую посетительницу окликнула хозяйка заведения. Весь вид женщины говорил о том, что она уже пропустила кружку-другую пива, а то и чего покрепче.

– Я заблудилась. Вы не подскажете, как мне найти отель? – Агата подошла к стойке, протянула барменше бумажку с адресом.

– «Фаворит»? Что-то я не слышала о таком... Поблизости точно нет. Эй, Джони, ты слышал что-нибудь об отеле под названием «Фаворит»?

От компании наблюдающих за игрой отделился невысокий парень, нехотя подошёл к стойке.

– Фаворит... Фаворит... Это на Дуглас стрит? Знаю. Только это далеко.

Вскоре Агата выяснила, что уехала от вокзала не в ту сторону. И теперь ей надо вновь ехать на трамвае в противоположном направлении. Вокруг девушки начали собираться любопытствующие. Ей стало не по себе. Хозяйка заведения поняла ее испуг по-своему:

– Джони, проводи-ка мисс на остановку, да посади в вагон. Вишь, девушка деревенская, боязно ей одной на темной улице.

Парень сдвинул кепку на макушку, подмигнул товарищам:

– Отчего же не проводить такую телочку, отбившуюся от стада? А то кабы волки не утащили.

– Да ты не бойся Джони, – усмехнулась хозяйка, заметив растерянность в глазах посетительницы, – он балабол, но парень безобидный.

Когда уставшая путешественница вошла, наконец, в холл отеля, стрелки часов подходили к одиннадцати. Дома в этот час она бы уже спала под перинкой из утиного пуха.

Вестибюль освещался только желтым светом абажура над стойкой дремлющего портье.

– Недорогой номер? Сожалею, мисс, но свободных номеров сейчас нет. Ни дешевых, ни апартаментов. Поищите другой отель.

Вновь в темноту, холод, неизвестность? Ну уж нет! Хорошо этому мистеру давать советы, находясь тут, в тепле! В Агате проснулось упорство фермерши, она решительно направилась к мягкому дивану, возле которого шатром раскинула глянцевые листья пальма, сняла пальто, расположилась поудобнее, достала из корзины сверток с остатками пирога, бутыль с молоком, разложила все это на низком столике, отодвинув кипу газет и журналов, и приступила к запоздалому ужину. Рядом возник удивленный портье.

– Мисс, что вы делаете? Здесь так нельзя! Извольте покинуть отель.

– Я никуда не уйду. Нет свободного номера? Значит, я буду ночевать на этом диване.

– Но... мисс, вы не на своей ферме, у нас молодые девушки так себя не ведут. Я вынужден вызвать полицию.

Вместо ответа Агата убрала в корзину остатки ужина, легла на диван, укрывшись пальто, и закрыла глаза. Честно говоря, она испугалась угрозы, провести ночь в каталажке ей совсем не хотелось, но оказаться вновь на вымороженной ночной улице незнакомого города было еще страшней.

В этот момент на лестнице послышались приглушенные голоса, в холл спустились двое: мужчина и женщина. Следом за ними белл-бой¹ тащил новенький громоздкий чемодан с блестящими металлическими уголками. Мужчина в дорогом пальто с меховым воротником выглядел настоящим джентльменом. Дама была ему под стать. Портье переключил свое внимание на эту пару. Через несколько минут, проводив солидных гостей, он вновь возник возле дивана.

– Мисс, проснитесь, у меня хорошие новости. Сейчас освободился один номер. Правда, он не дешевый, но и не самый дорогой. Вам только придется подождать полчаса, пока горничная там приберется.

Оставшись, наконец, одна в номере, едва сняв пальто и ботинки, Агата упала на кровать и разрыдалась. Этот город, чужой, равнодушный, непонятный, пугал ее. Как здесь жить?! Ее затопчут, раздавят как букашку, и никто даже не спохватится, не пожалеет о ней! Вокруг столько людей, но никому нет до нее дела. Здесь она даже более одинока, чем на своей ферме! Там хоть были Мэг и Том. И мистер Эванз. Ах, зачем она его послушалась! Зачем продала свою ферму? Она бы все сейчас отдала, лишь бы снова очутиться в родном доме, в своей теплой постели, услышать, как Мэг, тихонько напевая, моет посуду после ужина, как знакомо мычит корова в сарае и тикают старые ходики... ходики... тикают...

Так и закончился этот бесконечный, трудный день. Девушка не заметила, как заснула в одежде, поверх шелкового покрывала, обняв мокрую от слез подушку.

Утро разбудило чьим-то голосом в коридоре, быстрым топотом ног. Агата села на постели, огляделась.

Номер был довольно просторным, обставленным непривычно, по-городскому. На письменном столе из темного дерева уютно горела настольная лампа под массивным абажуром. В ее свете поблескивал боками хрустальный графин с водой, стоящий на чайном столике. Рядом, возле окна, глубокое кресло. У противоположной стены резной шкаф с огромным, в рост, зеркалом. Над широкой кроватью балдахин из тонкого полотна. Все вокруг выглядело дорого и солидно. Вскочив с постели, девушка раздвинула бархатные портьеры на высоком окне. Разгоралось утро, тихое и ясное, словно не было вчерашней метели. Выпавший за ночь снег еще не успели затоптать, и он лежал ровный, белый, словно чистый лист бумаги. Вот проехал один экипаж, оставляя темные следы, за ним второй. Новый день начал свою летопись.

Быстро собравшись, свежая и отдохнувшая, Агата отправилась на поиски Университета Крейтон, к которому и относился Медицинский центр штата Небраска. Задача оказалась нелёгкой, она плутала по незнакомому городу довольно долго, прежде чем нашла студенческий кампус. Аллея привела ее от ворот мимо церкви со стрельчатыми сводами к серому зданию с высокой средней частью и длинными боковыми крыльями. С трудом приоткрыв массивную дверь, девушка скользнула внутрь, в полумрак фойе. Широкая лестница вела на галерею, опоясывающую центральную часть холла. В свете, падающем из окон второго этажа, она увидела компанию молодых людей, спускающихся по ступеням. Агате они показались едва ли не небожителями, сходящими с Олимпа. В руках они несли кто сумки, из которых выглядывали книги, кто просто связки учебников, перетянутые ремнем. Среди студентов были две девушки. Они держались свободно, так же громко разговаривали, смеялись. Агата смотрела на них во все глаза. В Тьювалзе было принято, чтобы порядочные девушки помалкивали в присутствии мужчин. Появляться в общественных местах прилично было только в сопровождении кого-либо из родственников. Кажется, здесь, в городе, иные правила.

Компания студентов остановилась посреди фойе, между ними завязался спор. Одна из девушек достала тетрадь, перелистнув, нашла нужную страницу. Все сгруппировались над тетрадкой, слушая ее пояснения. Затем один из парней сказал:

– Нет, я уже ничего не воспринимаю. Есть хочется. Пошли обедать!

¹ Белл-бой – служащий отеля, выполняющий мелкие поручения.

– Да, хватит. Пойдем. Куда сегодня? В кондитерскую Эшли? – поддержали его остальные.

Шумная компания прошла мимо Агаты, дверь за молодыми людьми захлопнулась. Девушка проводила их взглядом с чувством легкой зависти. Как бы ей хотелось быть одной из них! Такой же свободной, независимой, окруженной друзьями.

В прежней жизни весь круг общения Агаты ограничивался родителями и работниками на ферме. Отец по утрам привозил её на тарантасе в Тьювалз в школу. После уроков он же встречал и увозил ее домой. Девушек в классе было мало, держались они отдельно от юношей. А у тех было принято высокомерно-снисходительное отношение к одноклассникам. Так же относился к своим ученицам их учитель, мистер Джобсон. Хотя девушки, за счет своего прилежания, часто показывали лучшие результаты в учебе, он искренне считал, что им точные науки ни к чему, и снисходительно ставил ученицам «удовлетворительно», не вслушиваясь в их ответы.

Подруг среди одноклассниц у Агаты не было. Ей чужда была вся сентиментальная чепуха, все эти рюшечки, сердечки, бантики, котики и овечки, коими были забиты головы юных барышень. Ее друзьями были книги. Больше всего она любила забраться на сеновал с интересной книжкой и, забыв обо всем на свете, читать. Матушка сердилась на нее, называла бездельницей, лентяйкой, порой выбрасывала книжку, а отец украдкой заезжал с дочкой в книжную лавку и покупал ей новые. Сам он был простым работягой, книг не читал, но интерес дочки к чтению уважал.

В секретариате Агату ждало разочарование. Мужчина с тщательно уложенными напомаженными волосами, с тонкими усиками над пухлыми губами, небрежно просмотрев ее документы, вернул их.

– Если хотите здесь учиться, вы должны бы знать, что документы к рассмотрению подаются в июле-августе, а сейчас февраль. Приходите летом.

И он вновь погрузился в свои бумаги, не обращая больше внимания на стоящую перед ним девушку. Но Агата не собиралась сдаваться.

– Объясните, пожалуйста, что я могу сделать сейчас, чтобы в августе попасть на учебу в университет?

– Я вам все сказал, – ответил секретарь, не поднимая головы.

В этот момент в помещение вошел пожилой джентльмен. Вид у него был несколько растрепанный. Агата заметила пятнышко от соуса, расплывшееся на лацкане его сюртука.

– Что здесь происходит? – спросил он то ли секретаря, то ли посетительницу.

– Да вот, фермерша учиться приехала, – небрежно кивнул секретарь напомаженной головой в сторону девушки. – Это в середине учебного года!

Джентльмен поверх сползших на кончик носа очков внимательно посмотрел на Агату. Взяв из ее рук документы, так же внимательно, уже сквозь очки, просмотрел их.

– Ну что же, милая барышня, ваше желание учиться весьма похвально. Но секретарь прав: документы мы принимаем в августе. Однако, чтобы успешно выдержать приемные испытания летом, вам надо начать серьезно готовиться уже сейчас. Думаю, что знаний, полученных в сельской школе, окажется недостаточно. Я бы посоветовал вам записаться на подготовительные курсы при нашем университете. Они платные, но только так у вас есть шанс поступить к нам.

– Я согласна, – Агата обрадовалась предложению. Она все-таки будет здесь учиться, хоть пока и на подготовительных курсах.

– Мистер Стенфорд, оформите мисс... э-э... Свободову и разъясните, как ей оплатить учебу, когда и куда приходить. – До встречи на экзаменах, мисс, – улыбнулся он Агате, возвращая документы.

После всех формальностей Агата, наконец, вышла на улицу. Она шла, полная надежд и сомнений, подставляя лицо влажному ветру. Удивительно, как всего за сутки переменилась

погода! Еще вчера мела метель, а сегодня в воздухе явственно запахло весной. Этот запах невозможно описать: пахнет набухающими почками? Тающим снегом? Мокрой корой деревьев? Никто не может объяснить, но узнают его с первого дуновения. И лица прохожих светлеют – скоро, скоро весна!

Агата остановилась перед витриной модного магазина. За стеклом замерли в изящных позах манекены. Такие же прямые узкие пальто с пышными сборками по окату рукавов были на девушках-студентках, которых она видела в университете. И такие же юбки, открывающие взглядам высокие ботинки на каблукках. А какие элегантные шляпки, муфты, перчатки разложены за стеклом! Рядом она увидела своё отражение: мешковатое поношенное пальто, длинная, в пол, юбка, разношенные ботинки поверх шерстяных чулок домашней вязки, матушкина шаль поверх старой всесезонной шляпки на голове, варежки из неотбеленной шерсти, связанные руками Мэг. Ей стало ясно, почему все безошибочно угадывают в ней деревенщину. Да, в таком виде она здесь чужая.

Агата толкнула застекленную дверь и вошла в магазин. Молодой приказчик и барышня-продавщица глянули на нее без интереса и продолжили свой разговор. Посмотрев на ценники, Агата ужаснулась и повернула к выходу. Но тут в магазин впорхнула нарядная дамочка. И вмиг приказчик встрепенулся, оказался рядом, заюлил, предлагая товар, продавщица забегала с коробками. Дама купила пару перчаток и ушла. Агата, наблюдавшая эту сцену, решительно повернула к вешалкам, стала выбирать пальто. Приказчик подошел, окинул ее небрежным взглядом:

– Вы хотите что-то приобрести или просто интересуетесь?

– Хочу купить пальто... и ботинки, и шляпку, и... все необходимое, – ответила Агата, рассматривая вещи на вешалках.

Тут же молодой человек преобразился, засуетился. Он щелкнул пальцами, и рядом, как по волшебству, возникла продавщица, вокруг Агаты завертелась карусель из модных вещей.

Через час из дверей магазина вышла другая барышня. Угадать в ней прежнюю деревенскую девушку было сложно. Она оставила свои старые вещи в магазине, сказав, что заберет их позже, и шла налегке, спрятав руки в новых перчатках в меховую муфту. Шейку ласкало пушистое боа. В модном пальто и шляпке, украшенной двумя голубиными крылышками, было зябко. Но ничего, ведь скоро весна! Она осторожно ступала по обледенелой мостовой, непривычная к каблукку. Замедляя шаги перед витринами, разглядывала свое отражение, узнавая и не узнавая себя. Поймала один заинтересованный мужской взгляд, второй... Какой-то джентльмен услужливо распахнул перед ней дверь на входе в кафе, официант поспешил обслужить милую посетительницу, в трамвае уступили место. Вот, оказывается, в чем секрет успеха в городе: в том, как человек одет! Ее больше не толкали, не оттирали плечом в дверях. Она казалась своей, городской. И ей это нравилось! Другими глазами смотрела она на затейливые фасады высоких домов, зажигающиеся с наступлением сумерек фонари, мчащиеся машины, трамваи, занятные витрины. Вокруг бурлила, звучала, манила городская жизнь. И она уже не пугала Агату, ей захотелось стать частью этого города.

Лишь одно омрачало ее настроение: мысль об огромной сумме денег, потраченной за этот первый день ее городской жизни. Что-то ждет ее дальше?

Глава 3. Тайн становится больше

Август 1906 года. Омаха.

Каблуки туфель Агаты слегка вязли в размякшем от жары асфальте. Она неспешно шла по перрону, вглядываясь в лица пассажиров, прибывших западным экспрессом. Наконец заметила выходящего из вагона мистера Эванса. Седые бакенбарды обрамляли благородное лицо, на голове старомодный цилиндр, в руках саквояж и буковая трость с массивным серебряным набалдашником в виде головы грифона – весь его облик, не меняющийся с годами, всколыхнул в душе Агаты воспоминания детства. Улыбаясь, пошла она к нему навстречу. Но мистер Эванз, скользнув по ней взглядом, прошел мимо. Слегка растерявшись, Агата окликнула его. Старик оглянулся... и продолжил свой путь. Девушка догнала его, тронула за рукав. Как же удивился нотариус!

– Боже мой, мисс, вы так изменились! Я вас не узнал! Здоровы ли? Где ваш румянец? Где круглые щечки? Где косы?

Через час Агата сидела в кафе напротив отеля «Favorite» и ждала, пока мистер Эванз, расположившись в своем номере, спустится вниз. Войдя в помещение, нотариус вновь не сразу узнал девушку, растерянно озираясь, вглядываясь в посетителей. Пришлось Агате его окликнуть.

– Никак не могу привыкнуть к вашему новому облику, мисс, – смущенно улыбнулся старик. – Ну, расскажите, как вам живется? Не жалеете, что послушались моего совета? Честно говоря, я за эти полгода часто думал о вас, переживал.

– Нет, что вы! Вы правильно мне подсказали. Не скрою, первое время было нелегко, но потом все устроилось. Мне есть чем похвастать. На днях я успешно прошла испытания по всем дисциплинам и зачислена в Медицинский центр. Буду учиться!

– Вот как? Поздравляю! Молодец, девочка! Ну, а как у вас с деньгами? Не растранили свой капитал?

Агата смутилась, отвела взгляд, начала рисовать пальцем узоры на скатерти.

– Честно говоря, потратила я много больше, чем планировала. Жизнь в городе такая дорогая... Но сейчас я нашла экономное жилье, снимаю меблированную комнату на пару с подружкой. Устроилась на работу. Очень удачно! Работаю телефонисткой на коммутаторе в городской телефонной компании. Работа с почасовой оплатой, можно выбирать удобное время, учеба не пострадает. Теперь даже понемножку откладываю, возвращаю потраченное.

– Надеюсь, акции вы не продали? – строго спросил нотариус.

– Нет, нет! Я помню все, что вы мне говорили. Спасибо вам за заботу, мистер Эванз! Мне больше не на кого надеяться, кроме себя и вас. Я очень ждала вашего приезда... У меня к вам есть один вопрос.

Агата вытащила из ридикюля конверт из оберточной бумаги, извлекла из него пожелтевший листок, положила его перед нотариусом.

– Вот. Вы видели этот документ? Я нашла его в матушкиной шкатулке, в которой она хранила самые важные бумаги. Что-нибудь можете мне объяснить?

Нотариус надел пенсне, внимательно осмотрел лист со всех сторон, затем вернул его девушке.

– Нет, мисс. Я впервые вижу этот документ и ничего не могу вам сообщить о его содержании. Похоже на метрику... дата, имена. Но язык мне незнаком. Чешский? Надо искать переводчика. В Омаха есть чешские переселенцы, обратитесь к ним.

– Я нашла. Но переводчик сказал, что это не чешский! А еще он сказал, что язык явно славянский, но какой: болгарский, польский, русский, украинский, он определить не может. И что мне делать? Кого искать? Я так надеялась, что вы знаете о моих родителях больше, чем я!

– Нет, я был в курсе только финансовых дел. Ваши родители были довольно-таки замкнутыми, не очень-то откровенничали. Надо же! Они казались такими... простыми людьми. Может быть, лучше не ворошить их прошлое, раз они его скрывали даже от вас?

– Матушка перед смертью пыталась мне что-то сказать, показывала на сундук, на ключ от шкапулки, хранившийся у нее на груди. Значит, это важно для меня. И то, что берегла свою тайну до последнего вздоха, тоже говорит о ее значимости. Я не смогу спокойно жить, пока не выясню, что скрывается за этим документом.

– Ну, тогда ищите. Вы настойчивая. По мне так лучше не трогать старые тайны. Известно, что вы откопаете, и как это изменит вашу жизнь. Спрячьте этот документ и займитесь своим будущим. Может быть, разгадка сама найдёт вас, когда время придет.

Незаметно, шагочек за шагочком, подкралась осень, зашуршала умирающими на мокром асфальте листьями. В зале телефонной станции, наполненном аппаратурой, проводами, голосами барышень-телефонисток, весь день ярко горели дуговые лампы. Агата привычно переключала штекеры, соединяя абонентов. Она научилась одновременно читать конспекты и вполуха слушать разговор, чтобы уловить его окончание. К концу смены от таких упражнений побаливала голова. Вдруг она насторожилась. Ее ухо уловило знакомое слово в иностранной речи. Разговаривали две женщины. Забыв о конспекте, Агата напряженно вслушивалась в чужие голоса. Вот снова мелькнуло знакомое сочетание звуков... и еще. Именно эти слова слышала она в детстве в беседах родителей. Звонили из отеля на Галвин Роуд в один из домов района Белвью. Она быстро записала номера абонентов и, едва в наушниках раздался щелчок повешенной трубки, побежала к техникам, обслуживающим телефонные линии. Но, как ни просила назвать адреса, по которым установлены эти телефоны, техники отказались, «не положено» и все! Расстроенная, вернулась Агата на свое место. А на следующий день обнаружила в тетради с конспектами листок с двумя адресами. Кто из техников сжалился над девушкой, она не знала, да это было и неважно, главное, у нее теперь была ниточка в руках.

В ближайший свободный день Агата шагала по Фэрвакс Драйв в поисках нужного дома. Телефонном в отеле мог воспользоваться любой из постояльцев, искать там было бесполезно. Все ее надежды были в Белвью.

Ещё несколько лет назад в этом месте простирались кукурузные поля, но город, питаемый, как артерией, железной дорогой, быстро рос и расплзался, словно дрожжевое тесто.

Улица застроена новенькими коттеджами с лужайками перед каждым. Вот нужный номер. Двухэтажный дом, выкрашенный голубой краской, смотрелся весьма ухоженно. Подстриженный газон огорожен белым штакетником. Пушистая кошка, поджав лапки под брюшко, дремала на перилах крыльца. Агата поднялась по ступеням. Кошка настороженно наблюдала за ней, готовая дать дёру. Из дома едва слышно доносилась музыка. Агата покрутила ручку звонка. За дверью тренькнул колокольчик. Музыка тут же смолкла, однако дверь оставалась запертой. Девушка позвонила снова. В ответ тишина, только чуть дрогнула штора на одном из окон. Или Агате это померещилось? Она вновь настойчиво крутанула звонок. Наконец за дверью послышались осторожные шаги.

– Кто там? Что вам надо?

– Мне нужно поговорить с Кларой... э-э... Аллес.

– Ее нет. Мистер и миссис Аллес уехали отдыхать во Флориду. Приходите через пару недель.

Шаги удалились. Агата в растерянности смотрела на запертую дверь. Кошка, спрыгнув с перил, важно удалилась за угол дома. Агата, подумав, вновь покрутила звонок.

– Вы еще что-то хотите узнать? – из-за двери раздался тот же осторожный голос.

– Да. Как давно уехала миссис Аллес?

– Пять дней назад. А в чём дело?

– Скажите, а кто третьего дня ответил на звонок из отеля на Галвин Роуд? Ведь кто-то разговаривал по телефону!

За дверью послышалось шушуканье, потом тот же голос нерешительно произнес:

– Я разговаривала.

– Тогда мне нужны именно вы. Откройте же, прошу вас! Я не сделаю вам ничего дурного.

За дверью опять послышалась возня, шепот. Замок щелкнул, в приотворенной двери, придерживаемой цепочкой, показалось испуганное женское лицо.

– Что вам угодно? Хозяева запрещают пускать в дом посторонних в их отсутствие.

– Я не собираюсь заходить в дом. Ответьте только на мой вопрос. Дело в том... я телефонистка и вынужденно слышала ваш разговор... Скажите, на каком языке вы разговаривали?

– На русском. Разве это запрещено? Я разговаривала с сестрой.

– Нет, что вы! Нет, конечно. Скажите, а вы не могли бы перевести мне одну бумагу? Это очень важно для меня!

Щелка захлопнулась, звякнула цепочка, дверь вновь распахнулась, уже во всю ширь. На пороге стояла невысокая аккуратенькая женщина средних лет. Клетчатое, наглухо застегнутое платье больше походило на форменное, чем на уютное домашнее.

– Видите ли, я говорю на русском, понимаю русскую речь, но читаю и пишу только на английском. Моя семья эмигрировала в Америку, когда мне было всего пять лет. Я училась в американской школе. Но, пожалуй, вам сможет помочь моя сестра. Ей было четырнадцать. Она не только говорит, но и читает на русском. Вам повезло, как раз сейчас она здесь.

Женщина окинула улицу настороженным взглядом и быстрым движением втянула Агату в прихожую, захлопнув дверь за ее спиной.

– Понимаете, я служу горничной в этой семье и не хочу потерять работу. А миссис Аллес так строга... Моя сестра работает в Чикаго. Видимся мы, только когда хозяева уезжают отдыхать. Тогда Надя приезжает в Омаха и останавливается в отеле. Мы созваниваемся по телефону. Встречаемся чаще в городе, в отеле, но иногда сестра приходит ко мне украдкой от соседей, чтобы Аллеси ничего не узнали.

В образцовой, словно картинка в журнале, кухне за столом сидела женщина, очень похожая на ту, что открыла Агате дверь, только постарше и полнее.

– Вот, моя сестра Надежда. А я Катерина. Между собой мы стараемся говорить на родном языке. Ну, чтобы не забыть его совсем. Это такое редкое удовольствие! Словно в детство возвращаешься... Хотите чаю?

Агата не стала отказываться. За чаем настороженность растаяла, разговор потеплел. Гостья рассказала о хранящемся у нее документе, показала его Наде. Та внимательно пробежала бумагу глазами и уверенно перевела.

– Хм... Тут сказано: «Двадцать восьмого августа одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года рождена, двадцать третьего ноября крещена дочь Ольга. Отец – уволенный в запас армии унтер-офицер Степан Фролов Крутихин, православного вероисповедания. Мать умерла родами. Восприемники: сельца Любимовка крестьянин Дмитрий Спиридонов Сластунов и законная жена его Анна Андреева, оба православные. Таинство крещения совершили священник Андрей Бодров и исполняющий должность псаломщика Капитон Крипович. Настоящее метрическое свидетельство выдано двадцать пятого ноября одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года Свято-Троицким собором Уфимской губернии Бирского уезда города Бирск»... Всё.

Надежда вернула бумагу. В кухне повисла тишина. Обе женщины выжидательно смотрели на Агату. А та задумалась, пытаясь понять, какое отношение имеет это метрическое свидетельство, выданное так далеко от штата Небраска, к ней и к ее семье.

– Бирск... это где?

– Тут сказано «Уфимской губернии», это где-то на Урале... в глубине России.

Агата вспомнила огромное пятно на карте мира, расплывшееся по двум континентам. Н-да... это тебе не маленькая Чехия. Пытаться там искать ответ – немыслимое дело.

В середине дня осенняя хмарь постепенно стала рассеиваться. Солнце неуверенно поглядывало на город сквозь прорехи в тучах. Агата в задумчивости шагала по обочине Брентон-авеню. Теперь она знает, что хранится в загадочном конверте. Но что с этим знанием делать? Какое отношение этот документ имеет к ней и ее родителям? Эта самая Ольга всего на месяц старше ее, Агаты. Кто она? А родители Агаты, оказывается, между собой говорили на русском языке. Выходит, что они русские? Почему они это скрывали даже от нее, дочери? Почему выдавали себя за чехов? Свобода – фамилия чешская... значит, имя и фамилия у них настоящие? И она, Агата, по происхождению русская? И никакая не Свободова? Да кто же и откуда она, черт возьми, на самом деле?! Она надеялась сегодня разгадать загадку, а вместо этого получила целый ворох новых. Все ее представления о себе, своих корнях рушились, почва под ногами перестала быть надежной. Прав был мистер Эванз, не надо было лезть в эту тайну. Жила бы и жила себе спокойно Агатой Свободовой. Может быть, выкинуть этот конверт и забыть про него? Она вытащила его из сумочки и направилась к ближайшему мусорному баку. Вдруг вспомнила жест умирающей матери, руку на ключике от заветной шкатулки. «О-ола... О-ола»... В метрике записано имя Ольга... Возможно, именно его пыталась произнести мать? Выкидывать конверт поздно, ей уже не выбросить эти вопросы из своей головы. Они не дадут ей покоя, пока она не найдет ответы.

Постояв над баком, Агата вернула конверт в сумочку, побрела дальше. Мимо проносились автомобили, проезжали повозки. Мир остался прежним. Отправляться за разгадкой в огромную чужую страну – это чистое безумие! Об этом нечего даже думать! Впрочем... может быть, когда-нибудь...

Агата устала. Сколько километров она прошагала, занятая своими мыслями? И вообще, куда забрела? Увидев неподалеку магазин, девушка решила зайти, спросить дорогу. На небольшой площадке перед входом стояла круглая тумба, оклеенная толстым слоем афиш, объявлений. Ветер сорвал одно из них. Листок спланировал на подол Агате. «Даю уроки русского языка. Недорого. Возможны как индивидуальные, так и групповые занятия. Звонить по телефону 135. Спросить Анну». Агата перечитала объявление несколько раз, подумав, положила его в сумочку рядом с конвертом.

Глава 4. Утонувший венок

Август 1848 года, Бирск

Над рекой поплыл прерывистый гудок баржи, тянувшей за собой караван плотов. На волнах закачалась лодка бакенщика, заплесал зажженный им огонь. Достигнув берега, волны мягко зашлепали по песку. На берегу, чуть выше кромки воды, догорал костер, испуская последние рваные струйки дыма. Гулянка иссякла, молодежь, вслед за гармонистом, потянулась к Большой Ильинской, круто взбирающейся по склону к Верхнему городу. Кто-то повернул к череде домов Нижнего города. Несколько парочек замешкались на берегу, оттягивая момент расставания.

У воды на бревнышке сидели девушка лет шестнадцати с толстой темной косой и коренастый русоголовый парень постарше. Она торопилась доплести венок, а ее дружок перебирал охапку полевых цветов, выбирая подходящие для венка, и подавал их подружке.

– Сейчас, еще немножко и доплету. И пойдем. А то опять батя с вожжами встретит... Давай вот этот, аленький... Ты меня проводишь, Степушка?

– Конечно, Стеша. Вот кабы не надо было расставаться!

Парень скользнул кончиками пальцев по белой шее вдоль косы. Девушка отпрянула.

– Ты чего?

– Да... комара отогнал. Тебе когда семнадцать будет?

– Скоро. На Покров.

– А мне на Воздвижение двадцать один исполнится. Значит, после Покрова сватать тебя приду. Пойдешь за меня?

– Все шутишь?

– Не-е, взаправду говорю. Так пойдешь? Отдадут тебя за меня?

– Пустой разговор. Твой батюшка, Фрол Тимофеевич, нипочем не согласится. Ему невестка с богатым приданым нужна, не такая, как я. Небось, уж присмотрел какую. Братьев твоих женил с выгодой для себя и тебя женит.

– Может, и присмотрел. Только я ни на ком, кроме тебя, не женюсь. Слово даю.

Степан потянулся губами к порозовевшей щечке. Стеша отгородилась ладошкой.

– Ну! Не балуй! Не жених еще... Все, готов венок, – девушка надела свое творение на голову, глянула на дружка из-под цветов, – ну как?

Парень примолк, любуясь ею. Потом встал, снял с головы подруги венок, надел на себя и пропел басом:

– Венчается раб божий Степан рабе божьей Степаниде.

Затем потянул Стешу за руку, поставил напротив себя, снял венок и торжественно водрузил его на девичью головку:

– Венчается раба божья Степанида рабу божьему Степану... Аминь!

С реки отозвался низкий гудок парохода. Девушка смотрела на друга серьезно, без улыбки:

– погоди, я вот что задумала. Давай судьбу испытаем. Ежели венок наш поплывет по реке, значит, будет по-твоему, быть мне твоей женой. А ежели утонет, значит, не судьба, не дадут нам...

Степан закатал штанины, зашел по колено в реку и осторожно положил венок на воду. Тот качнулся на волне раз... другой... накренился... и медленно ушел вглубь.

Стеша побледнела.

– Поздно уже, домой давно пора.

Повернулась и пошла, почти побежала в сторону Набережной улицы. Степан догнал ее с мокрым венком в руках.

– Ну, ты чего? Вот он наш венок, держи. Высохнет. Подумаешь, волной захлестнуло. Это я виноват, поспешил.

– Нет, это я виновата, слишком туго сплела. Был бы поразлапистей, удержался бы. Как бы то ни было, венок утонул, значит не судьба.

– Да брось ты! Глупая затея. Подумаешь, венок! Как я сказал, так и будет. Я свое слово держу.

Просторный бревенчатый дом лесоторговца Крутихина стоял на высоком берегу, над самой кручей. Каменный фундамент, резное крыльцо, широкий мезонин с балконом выделяли его из ряда соседних домов. Из окна мезонина открывался завораживающий вид на серебристые воды реки Белой, широкой лентой огибающей гору. А дальше простирались бескрайние заливные луга Забелья. Горизонт терялся в голубоватой дымке марева. Закаты здесь казались далекими. А как в начале лета пели соловьи в роще на крутом склоне горы!

Хозяин дома, Фрол Тимофеевич, много лет тому назад, совсем юным пареньком пришел в Бирскую крепость с двумя старшими братьями откуда-то с севера, то ли из казанских земель, то ли с уральских заводов. Денежка у братьев водилась, никто не знает, откуда, но на лесопилку хватило. И занялись братья лесоторговлей. Дело у них заспорилось, тому способствовала река, по которой они доставляли свой товар в Уфу. Да и сам Бирск рос и строился. Уж очень удачное расположение было у поселка. Военная крепость на глазах превращалась в купеческий уездный городок. Благодаря полноводной реке, по которой доставлялись и увозились самые разные товары, процветали ремёсла, торговля, богатели купцы. Вскоре братьям стало тесно в маленьком Бирске. Старшие подались в Уфу, открыв там торговлю, а младший, Фрол, к тому времени женился, отстроился и прочно осел в полюбившемся месте. Жена его, Агафья Прохорова, бирская мещанка, родила ему трех сыновей. Старшие Михаил и Николай характером и внешностью удались в мать, спокойные, сговорчивые, хлопот отцу не доставляли. А младший, Степан, рос упрямым, своевольным, характерным – в отца. Между отцом и сыном частенько вспыхивали ссоры. Как известно, больше всего в близких людях нас раздражают свойственные нам самим недостатки. Матери то и дело приходилось гасить конфликты, примирять мужа и сыночка. До поры ей это удавалось. Тот ребенок, с которым больше всего забот и тревог, и есть самый любимый, потому сердце Агафьи Прохоровны за младшенького более всего болело.

Проводив Стешу, Степан торопливо поднялся в обход улиц по крутому склону, по едва приметной, одному ему ведомой тропинке, напрямик к своему дому. Узкий месяц словно нырял в облаках, таких же темных, как само ночное небо. Семья Крутихиных собралась за столом вокруг самовара. Сам хозяин, Фрол Тимофеевич, был невысокого роста, но крепкий, с широкой грудью и сильными руками. Никто не осмеливался спорить с ним, натолкнувшись на пристальный взгляд из-под кустистых бровей. И жена не решалась напрямую перечить мужу, у нее были свои методы, чтобы сменить его гнев на милость. Кроме родителей за столом сидели старшие сыновья с невестками. Оба сына недавно женились, строились, а пока жили в родительском доме, места всем хватало. За столом не было лишь младшего сына, и отец хмурился, поглядывая на пустой стул. Вернувшись, Степан приготовился к нагоняю, но отец был настроен на удивление миролюбиво.

– Что, сынок, опоздал к ужину? Гуляночка понравилась? Ну что ж, пока молодой да неженатик, это не грех.

– Когда же и погулять, как не об эту пору? – поддержала отца успокоенная его тоном матушка. – Самое время.

– Так-то так, да я вот думаю, а не пора ли, мать, позаботиться и о младшеньком нашем? Не пора ли невесту ему подыскать? Не избаловался пока.

– Шутишь, Фролушка? Молодой еще. Пушай погуляет.

– Да я бы, может, и не спешил, сам такой был, гуляночки любил, да Кузьма Петрович намедни обмолвился, что дает за своей дочерью Анной скобяную лавку на Нижне-Покровской торговой площади. Такой случай грех упустить. Шас женихи как мухи на мед слетятся. Определить надобно. Главное – успеть сговориться, а там можно годок потянуть. Пока то да сё, подготовка к венчанию, вот и нагуляется. Самая пора жениться будет.

– Это которая Анна? Чугункова? А что? Хорошая девушка, уважительная, образованная. Да только ей никак двадцать три, а то и двадцать четыре годочка будет. Не старовата для Степки нашего?

– Вот и хорошо, что не молоденькая вертихвостка. Постарше, поумнее будет, нашего оболтуса вразумит.

Степан опомнился, решил, что самое время пришло вмешаться, пока к венцу не отправили.

– Батюшка, матушка, я ведь не против женитьбы. Сам хотел вашего позволения испросить. Дозвольте мне жениться! Только не на Анне, а на Стеше Тумановой. Любим мы друга друга страсть как!

В комнате стало так тихо, что слышно было, как скрипит сверчок где-то в доме.

– Это которая Туманова? Из низовских, что ли? Дочь кузнеца? – отец был так удивлен, что даже гнева в его голосе не послышалось. – Ты соображаешь, что говоришь? У этого кузнеца дочерей штуки четыре. А кузня одна, и та захудалая. Какое приданое он за дочкой дать сможет? Сундук с барахлом? А там лавка! Да в таком бойком месте! Рядом с пристанью! Возьмешь такое приданое и всю жизнь живи без забот, жуй калачи с маслом.

– Батя, ну не на лавке же мне жениться! И не с лавкой жить. Я Стешу люблю, и ей слово дал.

– Слово, говоришь, дал? Спортил девку, что ли? Али вовсе обрюхатил?

– Нет... Стеша девушка строгая, честная. Не тронул я ее. А какая добрая, покладистая, умная, как наша матушка! Золотая невестка вам будет. Утешение на старости лет.

– А и правда, Фролушка, – осторожно подала голос Агафья Прохоровна, – лавка лавкой, это дело наживное, а тут чувства. Дозволь сыну жениться по своему выбору. Ну и пусть приданое небогатое, мы же не последний кусок доедаем. Глядишь, со счастьем-то в доме и у самого на лавку...

Но тут хозяин хватил кулаком по столу так, что самовар подпрыгнул, и жалобно звякнула посуда.

– Да вы сдурели никак?! Лавками раскидались! Да ежели бы я так рассуждал, да сопли распускал, вы бы сейчас бурлаками по Белой ходили! Ладно этот щенок-полудурок про любовь плетет, а ты-то куда? Умом тронулась на старости лет? В богадельню отправлю! А его в солдаты! Там шпицрутенами дурь-то повыбьют.

Мать притихла, сжавшись в комочек под потоком мужниного гнева, а Степан сам вскипел не хуже отца:

– Да лучше уж в солдаты, чем жизнь прожить с постылой женой! Я жить хочу, а не лямку тянуть. Говорю же тебе, слово дал своей любушке!

– Да я тебя... наследства лишу! Ослушаешься отцовой воли, в солдаты пойдешь, это я тебе свое слово даю!

Оба вскочили из-за стола, опрокинув стулья, полные ярости. Прохоровна металась между мужем и сыном, пытаясь успокоить то одного, то другого. Братья и невестки сидели тихо, словно мыши, боясь слово вымолвить, глаза поднять на отца.

– Не нужно мне твоего наследства! Своим трудом проживу! – Степан как ошпаренный выскочил из родительского дома, лишь дверь хлопнула за спиной.

В маленьком городке сплетни неведомо какими путями просачиваются сквозь стены и распространяются чрезвычайно быстро. Слухи о причинах раздора в доме Крутихиных очень

скоро стали известны в семье кузнеца Туманова. Обеспокоенные родители запретили Стеше одной выходить из дома. Теперь она была под неусыпным надзором матери и сестер. Дни напролет просиживала перед оконцем в горнице, занятая рукоделием. Хитрая матушка дала задание вышивать к приданому скатерть счетным крестом. Стоило Стеше отвлечься мыслями от работы, как узор сбивался. Приходилось распускать сделанное и начинать заново. Стеша с тоской поглядывала на вольную реку за огородом, на редеющие с каждым днем кроны ракитника на берегу. Кончились для нее беззаботные, веселые дни, когда гуляли они со Степаном по мелководью, пускали «блинчики» по воде, кто ловчее, кто дальше, качались, как на качелях, на гибких ветвях ракиты. Ушло безвозвратно ее такое короткое девичье лето. Узнав, что Фрол Тимофеевич воспротивился их браку, Стеша сразу сникла, потеряла надежду. Больше всего теперь ее душа болела за Степана – как-то отразится на нем отцовский гнев?

На редкость погожим для октября днём на Галкиной горе было необычно многолюдно. Бирские мужики собрались на ежегодный сход, решали, кого отдать по рекрутскому набору. Десять человек дали помещики из своих крепостных, еще десять из мещан должен был отправить город. Вот тут-то и разгорелись нешуточные страсти. Кому охота отправлять сыновей на двадцать пять лет на чужую сторону? Мало кто из солдат возвращался в отчий дом. Потому и отдавали в основном сирот да бедноту, кто откупиться не мог.

Когда споры уже чуть не дошли до кулаков, к писарю пробился Фрол Тимофеевич, ткнул пальцем в бумагу:

– Пиши Степана Крутихина. Мой младший пойдет.

И вроде негромко сказал, но как от камня, брошенного в воду, кругами разошлась по толпе тишина. Дальние еще спорили, а ближние примолкли, с удивлением воззрились на лесоторговца.

– Да об твоих, Фрол Тимофеевич, речь не идет, – сказал городской голова, – найдем, кого отправить.

– Я сам так решил. Пусть послужит, строптивый больно. Пишите Стёпку.

– А и правда, пусть и купеческий сынок солдаперит, не все нам отдуваться, – раздался голоса.

Писарь вопросительно глянул на начальство и аккуратно вывел в официальной бумаге «Степан Фролов Крутихин, купеческого звания». Решив таким образом судьбу младшего сына, старший Крутихин отправился в ближний трактир. Идти в свой дом ему не хотелось. Тяжело видеть заплаканные глаза жены, прячущих взгляды домочадцев. Решение отдать сына, свою кровиночку, похоронить надежды на выгодное приданое далось ему непросто. Сколько бессонных ночей ворочался Фрол в своей постели! Но разве можно допустить, чтобы мальчишка одержал над ним верх? А упрямец гнет свою линию, не уступает отцовской воле. Фрол привык держать свое слово, даже если сказано оно сгоряча. Упустит он, хозяин, бразды правления из своих рук и всё, его воля уж не будет законом в семье, конец заведенному порядку в доме.

В тот же день новость распространилась по городу. Дошла и до Тумановых. Стеша была в ужасе – вот что наделала их опрометчивая любовь! Говорила ей матушка: «Не хороводился с купеческим сынком, по себе парня присматривай!» Да разве чувствам прикажешь? Улучив момент, выскользнула из дома, побежала искать Степана. Знала, что по возвращении не миновать ей отцовской порки, да увидиться с любимым было важнее.

Искать долго не пришлось, Степан так и кружил по Нижегородке в надежде встретить Стешу. Девушка уж не прятала своих губ от любимого, дала себе волю. Но были ее поцелуи солеными от слез.

– Миленький, отступишь от своего слова, подчинишься отцу! Плетью обуха не перешибешь. Все одно, не дадут нам вместе быть. Фрол Тимофеевич на попятный ни за что не пойдет, ты же знаешь, а мой отец супротив твоего тоже не станет. Так хоть в одном городе жить будем, по

одним улицам ходить. Хоть в храме друг друга видеть сможем. А то увезут тебя, и не свидимся боле.

– По мне лучше сгинуть, чем видеть, как тебя за другого отдадут. Да и поздно виниться, ушла бумага-то губернскому начальству. Не сегодня-завтра заберут.

– Так, может, сбежим? Вместе...

– Дуреха моя, ты знаешь, что беглым рекрутам полагается? Смертная казнь! И твоя доля незавидной будет. Ни девица, ни жена, ни вдова. Нет, моя жизнь пропащая. А ты живи, не оглядывайся. Бабий век короткий. Только не забывай меня. А я тебя никогда не забуду! Бог даст, свидимся.

Промозглым октябрьским рассветом телеги с новобранцами покинули Бирск.

Глава 5. Нечаянная любовь

Август 1909 – февраль 1910 года, Санкт-Петербург

Сколько солнца! Сколько неба! Сколько моря! Ощущение простора, свободы кружило голову. Агата прогуливалась по палубе трансатлантического парохода «Россия», стараясь вышагивать степенно, а так хотелось по-детски помчаться вприпрыжку! Да что там вприпрыжку! Казалось, взмахни она руками, и взлетит над палубой вместе с чайками.

Несколько дней назад Агата получила степень бакалавра и диплом фельдшера и встала перед выбором: то ли продолжить обучение, получить степень магистра и диплом врача, то ли искать работу в госпиталях Омаха, то ли принять предложение однокурсника Джулиана и вместе с ним отправиться миссионерствовать в Южную Америку. Ведь ей уже двадцать один год, пора и о замужестве подумать, как советует мистер Эванз. Агата обдумывала решение. Вдруг в газете ей попало объявление о продаже билетов на пароход «Россия» Русского Восточно-Азиатского общества, следующий из Нью-Йорка в порт Либаву.

Россия... С тех пор, как Агата начала изучать русский язык, эта страна все больше манила ее. И не только потому, что там она могла найти разгадку тайны. Сначала такое путешествие казалось ей невозможным. Но чем больше узнавала она об этой стране, тем реальнее казалось желание побывать там. А теперь это объявление...

Утром следующего дня Агата поехала на разведку в представительство трансатлантической «Русско-американской линии», а вернулась с билетом на пароход «Россия», отправляющийся через три недели из Нью-Йорка. И сама не могла объяснить, как решилась. Всё закрутилось вокруг Агаты: сборы, объяснение с Джулианом, уговоры друзей, прощания, поездка в огромный шумный Нью-Йорк. И вот суэта, страхи, волнения позади, она смотрит, как уплывают за горизонт небоскребы и факел в руке статуи Свободы. А впереди? Ну, конечно же, приключения! Новая страна, новые встречи, разгадка семейной тайны. Разве может быть иначе, когда тебе едва за двадцать?

Агата перешла к носу корабля и подставила лицо свежему бризу, несущему соленые брызги. Вдруг порыв ветра сорвал с ее головы шляпку, и та, подпрыгивая, покатила по палубе. Агата побежала следом, но поняла, что не догонит, остановилась в растерянности. Шляпка взмыла над бортом, еще мгновение, и ее унесет в море. В последний момент какой-то джентльмен, также прогуливавшийся по палубе, успел поймать ее за ленту и, отряхнув кружева, вернул беглянку хозяйке. Джентльмен был молод, строен и имел вполне приятную наружность.

На следующее утро Агата особенно тщательно оделась и причесалась. Не в ее привычках было тратить много времени перед зеркалом, но в этот раз она постаралась. Прогуливаясь по палубе, девушка смотрела не столько на море и дельфинов, чьи блестящие спины время от времени мелькали в волнах, сколько на публику, сидящую в шезлонгах или фланирующую по палубе. Вскоре обнаружила на корме вчерашнего спасителя шляпки. Он пристроился с подветренной стороны, пододвинув шезлонг к свернутому в бухту канату, и читал книгу, делая выписки в толстую тетрадь. Агата прошла мимо раз, другой. Молодой человек не поднимал головы. Она встала у борта неподалеку, сделала вид, что наблюдает за дельфинами... Никакого эффекта! В душе девушки проснулся азарт. Она сделала несколько шагов назад и, словно случайно, споткнулась о вытянутую ногу джентльмена. Книга упала на палубу.

– О, простите, пожалуйста! Я такая неловкая! – Агата смутилась так естественно. – Ах, это вы!.. Я вам очень благодарна за то, что поймали мою шляпку. Вчера немного растерялась, толком спасибо не сказала...

Беседа завязалась сама собой, и вскоре они прогуливались по палубе вдвоем. Молодого человека звали Лео Гарсиа. Он представился как инженер-кораблестроитель и направлялся

в Санкт-Петербург для работы по контракту на верфи кораблестроительного завода. Лео был увлечен своей профессией. Довольно застенчивый в общении, он становился оживленным, разговорчивым, как только речь заходила о кораблях. Агата слушала его объяснения об устройстве корабельных двигателей и украдкой разглядывала собеседника. Лео не был красавчиком, черты лица не отличались правильностью: широкий лоб, крупноватый, отнюдь не греческий нос, большой рот, близко посаженные серые глаза, волосы цвета ржавчины. Но все эти «неправильности» сочетались между собой вполне гармонично, взгляд светился умом, добротой, а улыбка была искренней, теплой. К тому же молодой человек обладал таким ценным, по мнению девушки, качеством, как хорошее чувство юмора. Агата была очарована.

Развлечений на корабле немного. Однообразный морской пейзаж быстро надоел. Одни и те же люди, объединенные пространством корабля, прохаживались по палубе, встречались за столиками в ресторане. Все это располагало к знакомствам, общению. Агата и Лео быстро сдружились. Она от природы не была кокеткой, но кое-какие женские хитрости у подружек замечала. В первые дни знакомства с Лео она старалась использовать полученные знания, однако скоро оставила эти уловки за ненадобностью. Он не пытался за ней ухаживать, не шептал на ушко комплименты, не целовал ручку. Вместо того, чтобы чинно прогуливаться по палубе, как другие парочки, они облазили весь корабль, куда только возможно было проникнуть. Лео рассказывал Агате о предназначении и устройстве всех механизмов, а она с интересом слушала, задавала вопросы и к концу поездки неплохо разбиралась в том, как это все работает.

И еще одно занятие их объединяло – оба изучали русский язык. Лео он был необходим для жизни и работы в России, однако давался тяжело, а Агата изучала русский уже четыре года, удивляя свою учительницу тем, как легко запоминает слова. Вот только всякие склонения-спряжения усваивались с трудом. Обоим нужна была практика, и они договорились пытаться разговаривать между собой на русском языке. Тут уже лидировала Агата, а Лео внимательно слушал и часто смешил собеседницу, путая слова.

Вечерами, ложась спать в своей каюте, девушка с улыбкой вспоминала подробности прожитого дня, а утром просыпалась в радостном предвкушении новой встречи. Все казалось значимым: слова, взгляды, жесты. Она спешила на палубу, где Лео вышагивал туда-сюда в ожидании подружки.

Одиннадцать дней пролетели незаметно, и вот уже вместо бирюзовых океанских волн за бортом серая рябь Балтики, а на горизонте латвийский берег, порт Либавы – конечный пункт плавания. Отсюда им предстояло добираться до Санкт-Петербурга по железной дороге. Лео убедил девушку, что рискованно отправляться в одиночку в столь дальнее путешествие в провинцию, не освоившись в чужой стране. Да и как можно лишиться себя возможности увидеть собственными глазами знаменитый своим величием город? Агата легко поддавалась на уговоры, и не столько из-за желания полюбоваться дворцами и храмами русской столицы, сколько из-за нежелания расставаться с новым другом. Она ясно понимала, что если сейчас уедет, то потеряет его навсегда.

Санкт-Петербург оказался еще прекраснее, чем они ожидали. Стояли прозрачные августовские дни. Первые желтые листья, кружась, слетали на аллеи Летнего сада, лодочками качались на темной глади озера между царственно-неторопливыми лебедями. Шумел цокотом копыт, клаксонами автомобилей Невский, отражались в Неве сияющие шпили Адмиралтейства и Петропавловки, высились, словно гигантские стволы деревьев, необъятные колонны Исаакия и Казанского собора, радовали взгляд мозаики и новенькие нарядные купола Спаса на Крови. Лео больше интересовали инженерные решения, а у Агаты дух захватывало от красоты. Этот город совершенно не походил ни на Омаха, ни на Нью-Йорк. Молодые люди гуляли по его проспектам, набережным, площадям, сколько выдерживали их ноги, открывая для себя все новые красоты русской столицы.

Агата взялась помогать другу в поисках жилья. Они вместе искали в окнах объявления о сдаче внаем, а объясняться с хозяевами меблированных квартир и комнат приходилось ей, тут Лео был беспомощен. Во всяком случае, так утверждала Агата. Некоторое время им не везло: то слишком далеко от завода Крейтона, где Лео предстояло работать, то комната слишком темная, то место нехорошее. Наконец попалась замечательная квартира в доходном доме на Фонтанке – две светлые комнаты и кухня. Устраивало все: местоположение, вид из окон, приличная мебель, вот только для одного Лео она была велика, да и цена кусалась. Чтобы поселиться в ней, надо искать компаньона.

– Послушай, Агата, а что если мы с тобой поселимся вместе? – предложил Лео. – Ведь это и дешевле, и удобнее, чем в гостинице. Ты займешь ту комнату, что выходит окнами на набережную, а я ту, что окнами во двор. Это выгоднее, чем снимать две маленькие квартиры. Будем соседями. Обещаю, что не стану тебе докучать. Какая необходимость тебе торопиться в провинцию? Сейчас там начинается распутица, грязь, потом придут морозы. Я читал, здесь такие снегопады! Заносит и дороги, и дома. Подожди до весны, поживи в столице.

Агата сделала вид, что сомневается, но в душе ликовала, ведь для себя она уже решила, что хочет замуж именно за Лео Гарсиа и ни за кого другого. А что это непременно случится, если они будут жить рядом, она была почти уверена.

Все складывалось как нельзя более удачно. Агата устроилась сестрой милосердия в один из госпиталей. Одновременно она записалась вольнослушательницей в Женский медицинский институт при Петропавловской больнице. Ведь ей необходимо было подтвердить свой американский диплом, на который здесь, в России, смотрели с сомнением.

А еще она очень старалась завоевать сердце и доверие любимого, подтолкнуть его к мысли, что лучшей жены, чем она, ему не найти. Вернувшись с работы, Лео обнаруживал, что оставленная второпях грязная посуда вымыта, брошенные под диван носки выстираны и аккуратно сложены, оторвавшаяся накануне пуговица пришита. Первое время он смущался, благодарил и просил «больше этого не делать», но быстро привык, стал принимать заботу подруги как должное. Так же быстро привык к совместным ужинам и чистоте в их общей квартире. А Агате было в радость заботиться о нем за доброе слово, благодарный взгляд. По воскресеньям они вместе гуляли по Петербургу, ездили в Царское село, в Петергоф, в Гатчину, открывая для себя все новые удивительные места, и так весело было путешествовать вдвоем! Это были их дни – счастливые, беззаботные.

Лео не отличался галантностью, не дарил цветов, не делал подарков, не поддерживал под локоток и не спешил подать пальто. Но Агату это не смущало. Зачем ей такая опека, если она с малолетства привыкла к работе в поле, умела управляться с волами, легко вскакивала в седло лошади? Она и сама откроет дверь, подвинет свой стул. Ей нравилось, что друг не стремится контролировать, опекать во всем и принимать за нее решения. И она тоже не вмешивалась в его дела. Такая жизнь устраивала обоих. Только одно смущало Агату: Лео представлял ее новым знакомым как свою сестру и не строил общих планов на будущее. Впрочем, времени прошло пока немного, и Агата терпеливо ждала.

В их квартире стали появляться новые друзья Лео. Это были молодые рабочие с верфи. Приходили они раз в неделю, по средам. Агата ставила самовар, блюдо с бубликами, а Лео заводил патефон. Однако это была лишь видимость вечеринок. На самом деле гости читали и обсуждали принесенную с собой литературу, газеты революционного толка. Агата поначалу слушала их разговоры скептически, потом с интересом и, наконец, идея справедливого переустройства мира заинтересовала и ее.

Однажды в конце такой встречи Лео выставил на стол бутылки вина и предложил отметить его день рождения. Агата засуетилась, накрывая на стол. Экспромт удался, вечеринка получилась веселой. Агату наперебой приглашали танцевать. Щеки ее покраснелись, прическа слегка растрепалась. По взглядам Лео она чувствовала, что хороша, что сегодня и ее

день. Проводив гостей позже обычного, они вместе взялись за наведение порядка. Именинник убирал со стола, а Агата мыла посуду. Нечаянно столкнувшись в тесном пространстве кухни, оба смутились, его рука вдруг легла ей на спину, притянула к груди. Она уткнулась лицом в расстегнутый ворот рубашки, туда, где вились рыжие волоски. Губы неудержимо потянулись друг к другу. Только что старательно вымытая чашка рассыпалась, ударившись об пол.

– На счастье, – шепнула Агата.

На рассвете она проснулась в комнате Лео. Было непривычно светло для такого раннего часа. Тихо выскользнула из-под одеяла, завернулась в плед – первое, что попало под руку, босиком подбежала к окну. За окном шел первый снег. Тяжелые хлопья кружились, словно вальсируя, падали и падали, догоняя друг друга, укрывая пушистыми шапками чугунный парапет набережной, крыши домов, расстилаясь чистым покрывалом по мостовой. Снег сиял белизной на фоне темно-серого неба. Город притих, торжественный и нарядный, словно невеста перед алтарём. Скоро и она, Агата, наденет белое платье и пойдет к алтарю рука об руку с любимым. Разве может быть иначе после того, что между ними произошло?

Лео спал на спине, закинув одну руку за голову и слегка согнув крупную ногу. На шее, над ключицей, пульсировала жилка, и ей хотелось поцеловать и эту жилку, и родинку чуть выше соска, вновь коснуться щекой курчавинок на его груди. Незнакомое острое чувство нежности наполняло ее душу сладким вином. Однако пора было готовить завтрак, потом будить любимого.

Он вышел к завтраку несколько смущенный, с виноватым видом. Агате это показалось трогательным, она поцеловала его, шепнула на ушко: «Я ни о чем не жалею, милый!». Наскоро поев, он собрался, убегая на службу, сказал уже с порога: «Мне так хорошо рядом с тобой...». Агата ждала других слов, но ведь он спешил...

Она подошла к окну, проводила взглядом торопливую фигуру, оставляющую следы на белой мостовой. Лео шел, съездившись, пряча подбородок в кашне и засунув руки в карманы. Вода в Фонтанке казалась темнее обычного на фоне свежего снега. Что там в этой холодной черной глубине? Агата невольно поежилась.

Дальше замелькали счастливые дни их медового месяца. Она так старалась быть идеальной подругой! Лео занимал все ее мысли, затмив другие цели, интересы. И он был заботлив, внимателен, нежен. Агата была бы совершенно счастлива, если бы не одно обстоятельство: дни шли, а любимый не заговаривал о женитьбе. Она же считала неудобным затевать этот разговор самой, находила ему оправдания и терпеливо ждала, но на душе становилось все беспокойнее.

После оттепелей наступила настоящая северная зима, со снегопадами, пронизывающими промозглыми ветрами, дующими с залива, низким серым петербургским небом. По-прежнему раз в неделю в их квартире собирались молодые рабочие, читали и обсуждали запрещенную литературу. Появлялись и девушки, странные в своей фанатичной увлеченности революционными идеями. Казалось, ничто другое их не волнует. Лео по-прежнему представлял ее гостям, в том числе девушкам, как свою сестру, это особенно задевало Агату, и она решила на разговор.

Выждав удобный момент, спросила:

– Тебе не кажется, что пора обсудить наше будущее? Ты что-нибудь планируешь?

Лео смутился, встал, заходил по комнате, словно стремясь раздвинуть пространство.

– Да... Нет... Да, конечно, я постоянно об этом думаю, еще с корабля... Ты мне нужна... то есть близка очень. Но... я не свободен. Я помолвлен. Прости. Перед самым отъездом я обручился с девушкой, с которой дружил с детства. Мы вместе росли, наши родители живут по соседству много лет... Я же не знал, что встречу тебя! Я не могу нарушить данное ей слово, но не могу и отказаться от тебя... Я запутался. Прости, прости! Мне нужно время, чтобы разобраться в себе.

Агата застыла, следя за Лео взглядом, внутри неё словно что-то рушилось, распадалось на мелкие осколки.

– Я, мне, в себе... А где во всем этом я? Ты полагаешь, что мне следует молча сидеть и ждать, а потом покорно принять любое твое решение? Почему ты не предупредил меня до того, как мы...? Это... это бесчестно!

И не слушая больше его оправданий, Агата выбежала из комнаты Лео и заперлась в своей. Ей невыносимо было чувствовать его присутствие рядом, за стенкой. Быстро одевшись, она вышла из дома.

Агата шла и шла вдоль набережной, не замечая холода, не видя прохожих. Еще вчера казавшееся очевидным будущее обернулось химерой. Последние полгода Лео был центром ее мира. Теряя надежду, она беспомощно барахталась, не находя опору. Как ей дальше жить? Как вести себя с Лео? Видеть его ежедневно теперь станет невыносимым, жить вместе невозможным. Надо уходить прямо сейчас, но куда? Она сама загнала себя в ловушку. Зачем согласилась поселиться с ним в одной квартире? Что она там делает? Что она вообще делает в этом городе? Ведь она приехала в Россию совсем с другой целью. Пора об этом вспомнить. И вообще, вспомнить о себе!

– Извозчик! – взмахнула Агата рукой перед проезжающей пролеткой. – На Николаевский вокзал, пожалуйста.

Поземка крутилась по перрону в желтом свете фонарей. Мимо сновали люди, гремели тележки носильщиков, и этот гул и грохот эхом возвращался от железного навеса. Посреди суеты неизбежно стоял городской, по-хозяйски озирая происходящее.

Лео поежился, пряча руки в карманы. «Опять забыл где-то перчатки», – привычно обеспокоилась Агата, но промолчала. Они вообще теперь почти не разговаривали.

– Зря ты решила ехать сейчас, среди зимы, – откашлявшись, сказал Лео. – Дождалась бы тепла.

Агата пожала плечами.

– Могли бы как-то договориться, – продолжил ее спутник. – Ты вот что, телеграфируй, как доберешься до этого своего... Бирска. И вообще, пиши мне, пожалуйста. Хоть несколько слов, но почаще, чтобы я знал, что с тобой все в порядке... Когда ты планируешь вернуться? Ну что ты все плечами пожимаешь? Скажи хоть что-нибудь!

– Я не знаю. Не знаю, как сложится... и сложится ли вообще что-нибудь. Телеграфирую. Напишу. А вернусь или нет – не знаю.

Ударил станционный колокол, паровоз пыхнул дымом, кондуктор поторопил пассажиров.

– Пора. Прощай, – сказала Агата. Она не стала уклоняться от последнего поцелуя, обняла Лео в ответ и вошла в вагон.

Поезд дернулся, перрон медленно, постепенно ускоряясь, уходил назад. Лео шел, потом побежал рядом с вагоном, глядя на Агату. Перрон кончился, мимо проплыли семафор, будка, а Агата все смотрела на худую высокую фигуру на самом краю.

– Муж? Али жених? – спросил кондуктор, запирая дверь. – Надо же, как он вас любит! Счастливые вы, молодые.

– Любит, да, счастливые... – эхом отозвалась Агата и отвернулась, пряча глаза, прошла на свое место.

Глава 6. Степан

Июнь 1872 года, Бирск

На пристани Бирска было шумно и суетно. Только что причалил пароход из Уфы. Едва положили сходни, как по ним навстречу прибывшим пассажирам устремились грузчики. На берегу скопились подводы. Лавочники, приказчики торговых домов встречали купленный или заказанный накануне в Уфе товар. Сходни прогибались под ногами носильщиков, несущих с корабля увязанные в рогожу тюки, ящики с деликатным товаром, корзины со снедью, позвякивающие коробки с французскими винами. Едва освободившись от груза, мужики взваливали на плечи и несли в корабельный трюм мешки с пшеницей, гречкой, бочки с медом и маслом, гремящие ящики со скобяным товаром, переложенными соломой горшками, доски, кирпичи, все то, что производили трудолюбивые биряне.

В этой суете никто не обратил внимания на отставного фельдфебеля, сошедшего на берег с другими пассажирами. А он, в отличие от других, никуда, казалось, не спешил. Отойдя чуть в сторонку, присел на чурбак, скрутил самокрутку, закурил. Он вглядывался в панораму города, реки, Забелья, в лица людей на пристани. Затем стянул стоптанные, запыленные сапоги, перемотал портянки, сорвав пучок травы, почистил голенища, обулся и встал.

Степан, а это был он – заматеревший, поседевший, закинул за спину вещмешок, пробрался сквозь толпу на пристани и остановился на перекрестье дорог. Пойти влево вдоль Набережной улицы к дому Тумановых, куда так тянуло его все прошедшие двадцать четыре года? Или пойти вправо по знакомой тропинке, карабкающейся по крутому берегу к родительскому дому? Поразмыслив, пошел вверх по Большой Сибирской к Свято-Троицкому собору, колокольня которого устремилась в ясное июньское небо. Степан глазел по сторонам, узнавая и не узнавая родной город. Когда покидал его, это был сплошь деревянный уездный городок, получивший такой статус только потому, что на десятки верст вокруг не было села крупнее. А теперь он видел мощные мостовые, каменные и полукаменные дома, вывески, одна другой крикливее, заполненную торговыми рядами и людьми Троицкую площадь. Бирск превратился в процветающий купеческий город. Многое изменилось вокруг!

Степан зашел в храм и попал как раз на конец службы, причастился, получил благословение батюшки. Тревожные мысли, волнение перед встречей с родственниками улеглись. С легким сердцем и радостью в душе он продолжил путь. В городском саду людей в этот час почти не было, только няньки прогуливались с детьми, да бродили козы, ощипывая кусты. По булыжной мостовой Миллионной катились редкие коляски. Вдоль улицы выстроились толсто-стенные купеческие особняки, каждый словно крепость.

Родительский дом показался Степану не таким большим, осанистым, каким помнился. Он словно съезжился, осел к земле. Тёс, коим были обшиты бревенчатые стены, потемнел, резные наличники, будто морщинами, покрылись трещинами. Едва Степан взялся за железное кольцо, прикрученное к калитке, как из-за сарая, гремя цепью, выскочил здоровый рыжий пес. Он захлебывался лаем, скаля клыки. Из дома на крыльцо вышла девушка, совсем молоденькая, почти девочка.

– Ищите кого? Или спросить чего хотите?

– Я Крутихиных ищу. Есть кто из старших дома?

– Я и есть сейчас старшая. А вы кто будете?

– Так и я Крутихин. Степан Фролович. А тебя как величать, красавица?

Девушка сбегала с крыльца, оттащила упирающегося пса, закинула цепь на крюк в стене сарая и распахнула калитку.

– Пожалуйте в дом, Степан Фролович. Маруся я, Михайлова дочь. Тятенька давно вас дожидается, намерен разговор был. Только сейчас его дома нет. Они с Сергеем... ну, старшим

из братьев моих, с утра на лесопилке работают. А матушка в лавке. Товар из Уфы сегодня привезли, принять, оценить надобно. Да вы проходите, располагайтесь. Проголодались, небось, с дороги? Сейчас я стол накрою. Мигом! А пока кушаете, баньку истоплю. Помоемся с дорожки, отдохнете, а там и батюшка с матушкой придут. Вот радость-то их ждет!

Степан с улыбкой наблюдал за проворной племянницей. Она сновала по горнице, наполняя стол едой, гремя заслонкой печки, мисками, ложками. Перед Степаном, как на ска-терти-самобранке, возникли горшок с кашей, миска с кусками мяса, нарезанный крупными ломтями пшеничный хлеб, кружка молока, плошка с медом. Закончив дело, девушка села за стол напротив гостя.

– Знаешь, на кого ты похожа? – спросил Степан.

– На кого? – склонила голову набок Маруся.

– На белку. Не уследить за тобой, аж в глазах рябит. Я так и буду тебя называть Белкой.

– А что? Я не против. Белка так Белка. А мне как вас величать, Степан Фролович?

– Можно Степаном Фролычем, а можно просто дядей. А теперь расскажи-ка мне, кто нынче в этом доме живет? Как родители мои? Живы-здоровы?

Девушка замялась:

– Так... Дедушка, Фрол Тимофеевич, два года, как помер. А бабушку давно схоронили, я еще маленькая была, почти и не помню ее. Матушка говорила, что болела она сильно. Как вас в солдаты отдали, все плакала да деда корила.

Степан положил ложку, встал из-за стола, подошел к образам, перекрестился. Маруся притихла, ждала, что будет. Спустя несколько минут Степан вернулся за стол, сказал откашлявшись:

– Не довелось свидеться. Ушли не попрощавшись. Ну, а про Стешу Туманову что скажешь?

– Стеша? Туманова? Не знаю такую... Пойду баньку истоплю. Отдыхайте пока. Вон за печкой лежанка, я там вам постелю.

Она отвернувшись, встала и быстро скрылась за дверью.

Проснулся Степан вечером. Прислушался к голосам, сел, прогоняя остатки сна. Братья вскочили из-за стола ему навстречу, лишь только он вышел из закутка.

– А-а, вот и наш служивый! Ну-ка, ну-ка, покажись... Ишь, седой какой! А на отца-то как похож стал! Бороды только не хватает.

– Вернулся, стало быть? Вот и славно. И слава Богу! Садись чаевничать, рассказывай, как служилось? Где бывал? А ты, Маруся, баньку проведай, простыла уж небось, подтопить надобно.

После первых расспросов и нескольких чарок самогона перешли к главному разговору.

– Степа, батю нашего, царствие ему небесное, ты хорошо знал, – начал Михаил. – Слово свое купеческое он сдержал до конца: не только в солдатчину тебя отдал, но и наследства лишил. Лесопилку и этот дом мне отписал, а лавку и второй дом Николаю. И деньги между нами поделил, тебя обошел. Но мы промеж себя не раз говорили, что несправедливо это. Пусть батя нас на том свете простит, но мы его слушаемся. Ты и так нахлебался в жизни. Поможем тебе поставить свой дом. Лес свой, строить есть из чего, плотников найдем тебе в помощь, и айда, трудись, не ленись. А мы с Николаем подмогнем. А ты, пока строишься, осмотришь, реши, чем заниматься будешь. Денег дадим, дело какое начать. Хозяйку в дом присмотри. Глядишь, еще и деткам своим порадуешься.

– Спасибо, братья. За теплый прием, за обещанную помощь. Мне бы на ноги встать, а там заработаю, долги верну. А насчет хозяйки в будущий дом... Как Стеша Туманова поживает? – Степан настороженно вглядывался в лица братьев. Оба отвели взгляды.

– А это ты лучше у бабы моей спроси, она со Степанидой зналась, – сказал Николай и окликнул жену:

– Марфа, расскажи Степану про Туманову, что знаешь.

Невестка села напротив Степана, горестно подперла щеку кулаком.

– Не много счастья дал Бог твоей Стеше, Степушка. Года не прошло, как тебя забрали, выдал ее отец замуж. Невесту, Стешу твою, к алтарю привезли с опущенной фатой, чтобы никто глаз ее заплаканных не видел. А во время венчания она и вовсе чувств лишилась. Но все же обвенчали. Фамилия у жениха такая, не выговоришь... Фурнье. Сын пленного француза, к нам сосланного. Он у нас в городе трактир держит. Так-то он справный мужик, хваткий, состоятельный... Жили, не бедствовали. И все бы ничего, да уж больно этот Фурнье ревнивым оказался, да на расправу скор. Все тобою жену попрекал. Ревновал, значит. Попадало ей частенько. И детей она ему пятерых нарожала, а он все не унимался! Болеть она стала, чахнуть. Год как схоронили. Маленько тебя не дождалась.

В комнате стало тихо. Все молчали, не зная, что сказать в утешение Степану. А тот посерел лицом, только желваки ходили на щеках, да напряглись крепко сжатые кулаки.

– Ладно, – сказал он, наконец, – слезами горю не поможешь. Ничего уже не исправишь. Завтра с утра на кладбище пойду, повидаться с теми, к кому шел. Не думал, что встречи такими окажутся.

– Маруся тебя проводит, покажет могилки-то, – сказала, вставая с лавки, Марфа.

– Так она же не знает про Стешу, – удивился Степан.

– Все она знает. Побоялась тебе сказать. Больно много сразу на тебя...

Летним утром на кладбище было безлюдно. Умиротворяюще пели птицы в кустах орешника. Ветерок лениво перебирал листья, травинки. Крест на могиле Фрола Тимофеевича слегка покосился.

– Оседает еще земля, наверное, – вздохнула Маруся. – Батя уж несколько раз поправлял, а он снова кособочится. У бабушки крест стоит ровно, а у деда... Или место такое?

Степан не ответил. Он стоял над местом упокоения родителей молча, сняв картуз. Маруся поняла, что сейчас лучше не мешать, отошла в сторонку. Вскоре ей наскучило топтаться на дорожке, и она, кашлянув, сказала:

– Дядя, давайте я вам могилку Степаниды покажу, да побегу, а то с обедом не управлюсь. А вы уж тут сами...

Под кованым тяжелым крестом с надписью «Здесь покоится Степанида Фурнье» лежала та, с которой он обвенчался венком на берегу реки. Ее ласковый взгляд, белая шея с ниткой бирюзовых бус, остренькие груди, топорщившие сарафан, выбившаяся прядка темных волос на румяной щеке, до сих пор снились, беспокоили по ночам. Степан опустился на землю рядом с могилкой, положил руку на холмик, зашептал то, что хотел сказать при встрече с любимой. Благо – вокруг никого. Хотя нет, сзади хрустнула ветка под чьей-то ногой. Степан оглянулся и обомлел. В нескольких шагах от него стояла... Стеша. Такая, какой он ее помнил.

Степан смотрел на девушку, не в силах отвести взгляд, не понимая, что происходит. Пожалуй, она чуть выше, тоньше, чем Стеша... и коса светлее. Одежда другая: сатиновая блузка с оборками, широкая юбка с плетеным пояском. Стеша проще одевалась.

Девушка настороженно топталась на тропинке, не решаясь подойти.

– Это могила моей матушки. Что вы здесь делаете? Кто вы? – наконец промолвила она.

Степан поднялся с земли, сделал шаг навстречу. Девушка отступила назад, готовая убежать в любой момент.

– Я Степан Крутихин, – откашлявшись, сказал он. Я знал... любил Стешу, когда она была такой, как ты сейчас. Вы так похожи, что я принял тебя за нее.

– Да, я знаю. И о вас я знаю. Мама рассказывала.

– Ты меня не бойся. Я тебя не обижу.

– А я и не боюсь... Просто не ожидала. Матушка говорила, что вы добрый, хороший. Она о вас вспоминала до последних дней.

Девушка подошла поближе, с любопытством разглядывая человека, о котором была слышана.

– А зовут-то тебя как?

– Ольгой.

Все последующие месяцы Степан трудился не покладая рук. Он так хотел наверстать, успеть в жизни то, чего его лишила упрямая воля родителя: построить дом, наладить дело, завести семью. Место выбрал там же, на Соколей горе, недалеко от родительского дома. Здесь, на южной окраине города, проще было получить землю у управы. К зиме поставили стены, подвели под крышу, а уж весной дом был полностью готов.

– Ну, брательник, вот тебе и хоромы, – довольно потирал руки Михаил. – Теперь хозяйка в дом нужна. Присмотри каку вдовицу пошустрее.

– Так уж присмотрел. Только не вдовицу, а девицу.

– Да ну! Шустёр! И кого же?

– Ольгу, Стешину дочку.

– Шутить? Ей семнадцать годков всего! Ровесница Маруськи моей! А тебе сорок пять – забыл? Считать разучился? Да и не пойдет она за тебя, старого хрыча.

– Ну, это она решать будет. Пойдет, не пойдет... И не вздумайте опять вставать на моем пути! Я на Ольгу смотрю, а вижу Стешу, она говорит, а во мне Стешин голос звучит... словно и не было этих долгих лет солдатчины.

Михаил покрутил головой, сказал с досадой:

– Слышал я, что вас вместе у кладбища да на берегу видели, но не ожидал, что такое задумаешь. Впрочем, мешать не буду, намешали уже. Делай, как знаешь, твоя судьбушка.

Степан, действительно, изредка виделся с Ольгой на кладбище. Место пустынное, спокойное, для душевных разговоров самое подходящее. Порой, встретившись почти случайно у пристани, они не спешили расставаться, бродили вдоль берега, там, где когда-то гулял он со своей ненаглядной любушкой. Забывшись, он называл спутницу Стешей. Ольга поначалу смеялась, потом стала хмуриться, напоминать с досадой: «Я Оля!».

На пасху Степан караулил Ольгу на выходе из храма. Увидев его, девушка замешкалась, заговорила со знакомой, давая братьям уйти вперед, потом подошла к терпеливо ожидавшему ее Степану.

– Христос воскрес, Степан Фролович! Здоровы ли будете?

– Воистину воскрес! Здоров, Оленька, здоров, чего и тебе желаю. Прогуляться не хочешь? Разговор есть.

– Отчего не прогуляться? Погода вон какая – тепло, солнечно.

– Хочу тебе, Оленька, дом свой новый показать.

За разговорами не заметили, как дошли. Девушка оглядела дом, смело поднялась на высокое крыльцо, вошла. Степан наблюдал за выражением ее лица, за тем, как осторожно, словно кошка, обошла она комнаты, заглядывая во все углы, как по-женски аккуратно убрала стружки с лавки, сунула в печку.

– А что, Оленька, войдешь хозяйкой в мой дом? – спросил Степан, как бы шутя.

Девушка оглянулась, посмотрела внимательно ему в глаза.

– Это вы кому сейчас сказали, Степан Фролович, Стеше или мне, ее дочери?

Степан призадумался.

– Раньше да, хотел сказать Стеше. Но ее не вернуть. А теперь говорю тебе, Олюшка. Хочу, чтобы ты стала мне женой. Вот он я перед тобой, какой есть. Решай.

Ольга прошла по горнице, встала перед ним, улыбнулась задорно:

– Войду!

Глава 7. Кто ищет, тот найдет

Февраль 1910 года, Уфа – Бирск

В вагоне второго класса было прохладно. Поезд уносил Агату все дальше в бесконечные заснеженные леса. Она притулилась у окна, кутаясь в шерстяную кофту, а за окном мелькали верстовые столбы, отсчитывая расстояние между ней и Лео. Позади осталась Москва, показавшаяся ей скучной после Петербурга. Впрочем, город Агата почти не видела, ей было совсем не до прогулок, так и просидела в номере дешевой гостиницы два дня в ожидании поезда в Уфу. Чем дальше уезжала она от Петербурга, тем яснее виделась ей ситуация. В памяти всплывали события последних месяцев.

Вот она на палубе корабля, прогуливается туда-сюда мимо приглянувшегося ей молодого человека, старается привлечь его внимание. Просто так, чтобы развлечь себя в долгом путешествии. Ведь это не он, а она была инициатором знакомства.

Вот ищет повод, чтобы вместе с новым другом отправиться в Петербург, вместо того, чтобы ехать в Бирск, как планировала. Отправляясь в Россию, она собиралась вернуться в Омаха уже осенью, и деньги на обратную дорогу были отложены. Те самые, которые она позже так неосмотрительно растратила в Петербурге.

Вот подталкивает Лео к мысли, что можно снять прекрасную квартиру на двоих, и без долгих уговоров соглашается поселиться с ним вместе. Разве она не понимала, к чему это приведет? Что уж хитрить с самой собой? Не он был охотником в этой ситуации, а она. Ей не приходило в голову, что у него в Америке была какая-то своя жизнь, возможно, свои обязательства. Она думала только о своих планах, о собственных чувствах и желаниях. Если разобратся, то так ли уж виноват Лео перед ней? И виноват ли вообще? Или она поплатилась за собственную самонадеянность, за свой эгоизм?

То, как уверенно и успешно она начала свою самостоятельную жизнь в Омаха, вскружило ей голову. Она уверовала, что и дальше все будет даваться ей так же легко. Достаточно приложить усилия, и цель будет достигнута! И некому было предостеречь ее, что другой человек не может быть целью. Агата представила себя на месте Лео и ужаснулась. Как могла она вести себя так эгоистично? И тут же сознание подсовывало ей оправдательную мысль, что ни к чему ей брать всю вину на себя. Ее друг старше, опытней, наверное, он понимал, что с ней происходит. Он должен был сразу предупредить об американской невесте. А может, она ошибается, и инициатива была вовсе не в ее руках? Так кто виноват, что вся прекрасная история их любви закончилась печально? Он? Она? Оба?

А бессчетные верстовые столбы уносились прочь, отмеряя расстояния. За окном смеркалось. Колеса поезда пели свою колыбельную...

Ночью Агате приснился странный сон.

Большой доходный дом. Где-то в нем она сняла комнату, но забыла, где именно. Внутри дома множество лестниц и запутанных коридоров. Вокруг снуют люди, но никто не останавливается, чтобы ей помочь. Она находит нужную лестницу, но подняться по ней не может – ступени прогибаются, словно картонные. Мимо нее по этой самой лестнице люди поднимаются и спускаются, но стоит ей попытаться встать на ступеньку, как под ногами опять ощущается ненадежный картон. Наконец, взобравшись кое-как на самый верхний этаж, Агата находит нужную дверь, распахивает ее... и оказывается в комнате без потолка. Над головой у нее темное небо, с которого сыпется снежок, а по углам гуляет ветер, наметая сугробы.

В растерянности Агата просыпается. Сон помнится так явственно, во всех деталях. Что это было? Пустая игра воображения или предупреждение? Но о чём? Она пошла неверной дорогой? Или идет не к той цели? Как понять? Может быть, прав мистер Эванз, напрасная это затея – раскапывать старые тайны?..

А в памяти вновь всплывает залитая солнцем палуба корабля, теплый ветерок перебирает пряди волос, в искрящихся волнах мелькают блестящие спины дельфинов, лицо Лео так близко... Такого острого ощущения счастья, какое она испытывала в эти несколько месяцев, у нее никогда раньше не было. И, наверное, уже не будет... Ну и пусть обожглась, зато в ее жизни была любовь. Была да и ушла...

Все попутчики в вагоне спали. В ночи уплывали назад бесконечные синие снега. Холодный серп луны в сияющем ореоле, далекий, равнодушный... Колеса неумолимо отстукивали свой ритм: «Мы спешим, мы спешим, мы спешим...». Агата не заметила, как вновь заснула.

Она идет по узкому – в одну досочку – мосту. В темноте не разглядеть, что там внизу. Агата старается не вглядываться в эту темень. Что впереди, тоже не видно. Конец моста теряется во мраке. Белеет только длинная доска. Ей страшно, она хочет вернуться, но понимает, что не сможет это сделать – мост слишком узок для маневра. Остается только идти вперед. Темнота впереди светлеет и превращается в такой яркий свет, что она опять ничего не может рассмотреть...

Агата открыла глаза. За окном вагона светило солнце, прямо ей в лицо, мелькали одетые инометом березы. Ветви так и сияли на солнце, словно бриллиантовые. Все ночные сомнения, тревоги и печали растворились в этом ясном дне. Разве может случиться что-то плохое, когда вокруг такая красота?!

Попутчицами Агаты оказались приятная молодая дама с девочкой лет семи-восьми. Легко ли еготе в таком возрасте спокойно усидеть на месте? Ее матери приходилось придумывать все новые забавы, чтобы занять дочку. Агата исподволь наблюдала за ними. Казалось, женщине совсем не в тягость ни непоседливость дочки, ни теснота вагона. Агата вспомнила свое детство. Невозможно было представить, чтобы матушка вот так ее обнимала, играла с ней. Барбара была строга, требовательна, часто раздражительна, но Агата к этому привыкла, другого отношения не знала. Она рано научилась сама о себе заботиться, сама себя развлекать и, разбив коленку, бежала к отцу, а не к матери. Девочка знала по опыту, что от Барбары за неосторожность или, не дай Бог, порванный чулок может получить нагоняй. Другое дело Михал. У него всегда было ласковое слово для дочки, а то и леденец в кармане находился. Но посидеть в обнимку, посекретничать отец и дочь могли только зимними вечерами, и то, если Барбара была занята счетами.

Агата наблюдала, как терпеливо попутчица учит девочку правильно держать вязальный крючок и вытягивать непослушные петельки, и давала себе слово, что если Бог когда-нибудь пошлет ей детей, она не будет раздражаться, а постарается быть такой же ласковой и заботливой матерью.

К исходу второго дня поезд прибыл в Уфу. Мороз стоял такой, что пар от дыхания замерзал и оседал кристалликами льда на ресницах, на меховом воротнике ее пальто, ворсинках шали.

Большой каменный вокзал выглядел солидно. Она прошла через просторный зал и остановилась в удивлении. Сразу за привокзальной площадью возвышалась гора, сплошь облепленная деревянными домишками, сараями, покосившимися заборами. Их непрезентабельный вид никак не вязался с красивым зданием вокзала. Куда она приехала? В какую глушь? Есть ли здесь нормальная гостиница, трактир? Или вокзал единственное приличное здание?

К Агате лихо подкатил возок на полозьях, запряженный парой лошадей. Извозчик отогнул поднятый воротник тулупа, из-под лохматой шапки весело блеснули узкие глаза.

– Айда, кызым², садись! – и дальше произнес что-то уж совсем непонятное.

– Что? – растерялась Агата.

² Кызым – дочка (баш.)

– Э-э, ахмак³! Куда едем, кызым?

– Тут есть какой-нибудь постоялый двор? Чтобы переночевать.

– Зачем постоялый двор? В хорошие номера, кызым, отвезу. Со столовой! Полтинник, э? Агата не стала торговаться, села в пролетку. Она бы и больше заплатила, лишь бы скорей попасть в тепло. «Это куда же я заехала? – с беспокойством думала она. – Здесь, кажется, и говорят-то не по-русски...»

Но тревожилась она зря. Через несколько минут пролетка уже катилась между красивыми каменными особняками с башенками и аттиками, по освещенной фонарями, расчищенной от снега городской улице. Извозчик лихо подъехал к крыльцу с вывеской «Номера купца Блохина» и ниже: «Столовая. Отличная кухня».

Возница показался Агате добрым человеком. Рассчитываясь с ним, она спросила:

– Вы называете меня «кызым», что это значит? Как это будет по-русски?

Тот улыбнулся, отчего его глаза стали совсем узкими щелочками:

– Так это – дочка. Татар телендэ. Мин ведь татарин.⁴

И Агата решила обратиться с просьбой:

– Я... Мне в Бирск нужно. Отвезете?

– Э-э, нет. Далеко больно. Вечер, однако. Утром, завтра, э?

– Хорошо, утром, так утром, только отвезите, пожалуйста!

– Синенькую, э?... Пять рублей, э?

– Э, э, – закивала Агата, – пять заплачу, отвезите только, милейший!

На следующее утро, едва рассвело, в ее номер постучали:

– Барышня, вас спрашивают.

У крыльца стоял знакомый возок. На облучке сидел и широко улыбался вчерашний возница:

– В Бирск едем, кызым? Синенькую, э?

– Едем, да. Пять рублей заплачу, как довезете.

Возница оглядел Агату, поцокал языком:

– Э-э, нехорошо. Замерзнешь, однако. Валенки надо! Шаль надо! Айда, садись, кызым. Покажу, где купить.

Агата действительно мерзла в своих модных ботиночках, пригодных для петербургской зимы, но никак не для уральской. В пять минут домчали до большой квадратной площади, в которую вливались несколько улиц. Кругом площади тянулись длинные ряды, стояли дома в два, даже в три этажа. Тут была и почта, и аптека, и палаты, и Дворянское собрание, и «Гранд-отель» с номерами, красовалась вывеска «Дамская портная». Здесь, в торговом центре города, жизнь кипела. Агата прошла по Гостиному двору, купила не только валенки, рукавицы, но и пуховую шаль. Мороз диктовал свои фасоны.

После двух стаканов горячего чая и порции блинов, поглощенных в одном из трактиров в компании с разговорчивым извозчиком-татарином, Уфа Агате решительно понравилась. Хоть город и выглядел провинциальным и несколько приземистым по сравнению с Петербургом и Москвой, зато его широкие прямые улицы радовали ощущением простора. Агата отмечала про себя, как по-разному здесь выглядят люди, как много встречается непривычных взгляду восточных лиц, своеобразных нарядов. Вроде бы обычная женская шаль, а повязана совсем непривычно. И русская речь здесь звучит как-то иначе, много в ней незнакомых Агате слов.

Вчерашняя тревога совсем прошла. Она чувствовала себя защищенной под покровительством своего нового знакомого. Его заботливое «кызымка» и смешило, и вызывало ответное доверие.

³ Ахмак – непонятливая (баш.)

⁴ Татар телендэ. Мин... – По-татарски. Я ведь татарин.

Тронулись в путь. Вскоре сани выехали из города, миновали переправу, затем городскую заставу и понеслись по прямой накатанной дороге. Агата забралась поглубже в возок, укрылась меховой полостью, согрелась в теплой одежде. Ей было весело от этого солнечного дня, слепящего сияния снега. Настоящее приключение!

Дорога то взлетала на холм, с которого открывались бескрайние чистые просторы с редкими перелесками, обрамленные невысокими синими холмами, то ныряла в низины, поросшие кустарником, то рассекала заиндевевшие рощи. Природа этого края удивительно напомнила Агате родной штат Невада, разве что таких глубоких снегов и крепких морозов там не знали.

К обеду потеплело, небо постепенно затянула хмурая пелена, посыпался снежок, сначала небольшой, потом завьюжило сильнее. Возок свернул к почтовой станции. Пока лошади отдыхали, Агата с извозчиком согревались чаем с пышными блинами и моченой брусникой с медом. Проголодавшейся девушке казалось, что ничего вкуснее она не ела.

Уже смеркалось, когда по сторонам дороги, наконец, засветились огоньки в окнах изб, залаяли собаки за заборами. Вот и цель ее путешествия – загадочный Бирск, казавшийся ей недосягаемым из Омаха.

Город оказался совсем небольшим, уже через несколько минут возок остановился перед крыльцом Уездной земской гостиницы. Агате не верилось, что она сделала это – добралась к цели через полмира! Какие тайны ждут ее здесь? Несмотря на усталость после долгой дороги, ей не сиделось в тесном грязноватом номере. В ней проснулся азарт. Она перечитала документ: «... Настоящее метрическое свидетельство выдано... Свято-Троицким собором Уфимской губернии Бирского уезда города Бирск». Спрятав конверт в сумочку, Агата отправилась на поиски Свято-Троицкого собора. Долго искать ей не пришлось – внушительный купол и стройная колокольня были видны от порога гостиницы. Справа и слева она заметила колокольни еще двух церквей, но решила начать с того храма, который возвышался в конце круто взбирающейся в гору улицы, и не ошиблась.

По ступеням собора навстречу Агате спускались прихожане. Только что закончилась вечерняя служба. Внутри в полумраке горели свечи, мерцали позолотой богатые оклады икон, все звуки эхом возвращались из-под высокого купола. Оглядевшись, Агата заметила священника, разговаривавшего со старушкой. Дождавшись, когда бабушка, получив благословение, направилась к выходу, Агата обратилась к священнику, коротко объяснив, зачем она пришла. Тот, прочитав документ, пожал плечами:

– Не знаю, чем могу вам помочь. Метрика выписана в нашем храме, но отец Андрей Бодров, совершивший таинство крещения, уже здесь не служит, ушел в монастырь. Псаломщик Капитон Крипович лет пять как преставился, царствие небесное, – священник размашисто перекрестился, – да и был бы жив, вряд ли смог бы что-то вспомнить. Уж, почитай, более двадцати лет прошло... Не сосчитать, скольких детишек здесь окрестили за эти годы! Степан Крутихин... Крутихин... что-то, вроде, имя на слуху... Митрофановна, – обратился священник к женщине, протирающей подсвечник, – может ты чего слыхала о Степане Крутихине?

Та, немного подумав, кивнула:

– Как не слышать? Вон галантерейная лавка Крутихиных. Площадь перейдете, минуете дом Чирковых, а там вывеску и увидите. Хозяина, кажись, Степаном зовут.

Радуюсь удаче, волнуясь, Агата разыскала лавку под нужной вывеской. Магазин уже закрывался. За конторкой дама в кружевной пелерине, с высоким гребнем в зачесанных кверху волосах пересчитывала выручку. Увидев вошедшую девушку, она быстро убрала деньги и любезно улыбнулась:

– Что, барышня, желаете?

– Я ищу Степана Крутихина. Могу я с ним поговорить?

Любезность приказчицы как ветром сдуло. Лицо ее приобрело настороженное выражение. Она смерила Агату внимательным взглядом и крикнула вглубь магазина:

– Степа-ан!

В дверях появился мужчина лет сорока в шелковой жилетке.

– Вот, барышня тобой интересуется, – пояснила дама за конторкой, – с какой целью, хотелось бы знать.

Агата, немного растерявшись от такого приема, попыталась объяснить, от волнения забыла нужные слова, вытащила из сумочки метрику и протянула ее мужчине. Тот прочитал. На его лице отражалось недоумение. Он внимательно оглядел девушку, снова перечитал бумагу.

– Кто вы? Откуда это у вас?

– Я Агата Свободова, приехала из Америки. Эта метрика хранилась в шкатулке у моей матушки. А разгадку этой истории я надеюсь узнать у вас. Ведь вы и есть Степан Крутихин? Это метрика вашего ребенка? Как она оказалась в нашей семье?

У приказчицы приоткрылся рот, она растерянно переводила взгляд со Степана на Агату и обратно.

– Ну, дела-а... – почесал затылок хозяин магазина. – Запахаживается мне, что не я вам нужен. В метрике указан Степан Фролович, а я Николаевич. Давайте-ка я вас, барышня, провожу к Крутихиным, чтобы не заплутали. Там разберемся.

– А... а как же магазин? – спохватилась дама, неприязненно глядя на Агату. – Кто ж закрывать-то будет?

– Уймись, Клавдя! Ставни я закрою, а с дверью и сама справишься. Я скоро, – ответил ей Степан.

– Ну и дела! Из Америки!..

Заперев железные ставни на витринах, Степан окликнул извозчика. В четверть часа они оказались перед просторным домом с мезонином. Дом смотрелся нарядно: на фоне обшитых тесом светло-зеленых стен красовались белые пилястры и кружевные наличники.

Дверь им открыла молодая женщина в наброшенном на голову и плечи шерстяном платке.

– О! Прасковья приехала! Кстати-то как! Ты посмотри только, какую гостью я вам привез! – широко улыбнулся провожатый и слегка подтолкнул Агату вперед.

Прихожая была обставлена по-городскому. Степан помог Агате распутать шаль, снять пальто и шляпку. Девушка задержалась перед большим зеркалом в резной раме, чтобы поправить прическу. Прасковья, сбросив с головы на плечи платок, тоже взглянула на себя в зеркало. И обе девушки замерли, глядя на отражение друг друга. Одинаковая линия бровей, чуть раскосый разрез карих глаз, похожий изгиб губ с впадинкой под нижней губой... Отличались лишь прическами да одеждой. Прасковья в недоумении обернулась к Степану:

– Ты кого это привел, Степа?

– Да, похоже, пропажа наша нашлась. Живехонька-здоровехонька. Из Америки приехала!

Глава 8. Семья Крутихиных

Апрель 1873 – август 1889 годов, Бирск

После первой весенней грозы, разразившейся ночью, дорога раскисла. Лошадь тащила коляску неспешно, копыта мягко чавкали по грязи. А седоки и не торопились, время для них словно замерло. Мрачная пелена туч отступала все дальше, впереди небо уже очистилось и обнадеживало промытой лазурью. Экипаж въехал в рощу, встретившую путников радостной птичьей переключкой.

– Смотри-ка, у черемухи листочки проклюнулись! И когда успели? Спозаранок, когда венчаться ехали, их, вроде, не было, – Степан изловчился и поймал протянувшуюся к коляске ветку.

– Да тут не только листочки, меж ними – гляди – уже будущие цветочки выглядывают! Неделя-другая и зацветет черемуха. Ужо наломаю я тебе букеты!

Степан отпустил ветку, и она закачалась, словно помахала им вслед. Ольга улыбалась, оглядывая рощу:

– И березы сережки развесили... Вишь, роща словно дымкой подернулась.

– А вы вон на тот пригорок гляньте, – Маруся, сидевшая на козлах рядом с братом Сергеем, развернулась, перекинула ноги в коляску, – мать-и-мачеха зацвела! Я еще нынче ее не видала.

– И впрямь зацвела! Вон там... и вон... и вон... словно солнышки желтеют, – Ольга обернулась к Степану, улыбнулась радостно и вопросительно. Он понял ее взгляд, приобнял юную жену за плечи, слегка прижал к себе.

Отец Ольги, Иван Фурнье, конечно, и слышать не захотел о сватовстве Степана Крутихина к его дочери. Сваха вернулась с категорическим отказом. А Ольгу заперли дома под присмотром старших братьев. Но Степан предвидел такой исход дела, поэтому заранее договорился со священником в деревенской церквушке сельца Любимовка о тайном венчании. В условленный день, на рассвете, Ольга вылезла через окно своей светелки, под морозящим дождем добежала до пристани, где ее уже ждала коляска с поднятым верхом. Дружкой жениха согласился стать неженатый племянник Степана, Сергей. Он же украдкой от отца, не одобрявшего затею брата, вывел со двора запряженную коляску. А подружкой невесты согласилась стать неизменная заединщица Степана Маруся.

Старенький священник уже ждал их в пустой, выстуженной за ночь церкви. С удивлением рассматривал странную пару. С особым вниманием расспрашивал юную невесту, по своей ли воле берет в мужья раба божьего Степана. Получив утвердительный ответ бойкой девушки, дальнейший обряд провел быстро. Скороговоркой, украдкой позевывая, прочитал полагающиеся молитвы, и через четверть часа нововенчанные вышли на крыльцо навстречу рассвету.

Чем ближе подъезжали к дому Степана, тем задумчивее становилась невеста. В дом вошла несмело, не то, что в прошлый раз. Села в уголок на лавку, словно в гости зашла.

– Что с тобой, Олюшка? – забеспокоился Степан. – Уж не жалеешь ли об чем?

– Нет, Степан Фролович, ни об чем я не жалею. Только думаю, что люди обо мне скажут? Никто ведь не знает, что мы венчаны. Никто на свадьбе нашей не гулял, в подвенечном платье меня не видел... Вроде как полюбовница я, а не жена.

– Ну-к, люди... Люди завсегда что-нибудь да скажут. Мы перед Богом венчаны, только это важно.

Степан задумался, поглядывая на опечаленную жену, и вдруг понял. О чем мечтают девушки в семнадцать лет? Ну конечно, о свадебном наряде! Свадьба для них – это же главный день! Когда же еще ей покрасоваться перед людьми, перед женихом? А он ее этой мечты лишает.

От денег, выделенных ему братьями на постройку дома, обзаведение каким-никаким хозяйством, покупку кузницы на Бирском тракте, почти ничего не осталось, Степан вытащил из тайника все, что там было. Ничего, – решил, – авось, заработаю.

– Собирайся, Олюшка, поехали в Гостиный двор, пройдемся по модным лавкам, заглянем в магазин Чиркова, подберем тебе свадебный наряд.

– И фату? – оживилась девушка.

– И фату, и туфельки, и венок из этого... как его? Флед... флер...

– Флердоранжа!

– Во-во, его самого. Надо только Белку с собой позвать в советчицы, а то с меня в этом деле толку нет.

Печаль в глазах Ольги вмиг растаяла, вся она оживилась, подхватила, готовая бежать сей момент.

Два часа девушки выбирали свадебный наряд, примеряли, перебирали, а Степан от души развлекался, наблюдая за ними. Он успел сходить в трактир, заказать жареную индюшку, пироги и французского вина. Все это лакей должен был доставить в его дом к свадебному ужину.

Наконец Ольга предстала перед ним в кремовом атласном платье с турнюр и шлейфом, с кружевом вокруг шеи и запястий. Кисейная фата удерживалась обручем, украшенным венком из флердоранжа.

– Ну как?..

А Степану вспомнился другой, такой похожий взгляд из-под простого цветочного венка и такое же «ну как?..». Сердце защемила внезапная боль.

– Степан Фролыч, тебе не нравится?

Степан заставил себя улыбнуться:

– Ну что ты, Олюшка! Я просто растерялся от твоей красоты. И это надобно сбересть на память, поэтому сейчас мы отправляемся в ателье Анисимова, делать дагерротип!

У Ольги округлились глаза от удивления, а Маруся взвизгнула от восторга и захлопала в ладоши совсем по-детски.

До фотосалона было всего метров двести, однако подъехали к нему с шиком, на устланной ковром коляске, сделав круг по Верхне-Троицкой площади.

После сложной и довольно утомительной процедуры съемки решили прокатиться по Миллионной вдоль всего города. На Соколью гору вернулись уставшие от событий и впечатлений и еще издали заметили, что их ждут. У ворот прохаживались отец Ольги и ее старшие братья. Ничего хорошего встреча с этими «гостями» Степану не сулила. Маруся тихонько охнула, на ходу выскользнула из коляски и со всех ног помчалась к родительскому дому. Над соседскими заборами маячили любопытные лица.

Под тяжелым взглядом отца Ольга съежилась.

– А ну марш домой, дура! – зло сказал Иван. – А с тобой, ублюдок, я давно хочу разобратся! Спину тебе перешибу, чтобы ты близко к моей дочери не подползал!

– Остынь, тестюшка, и вы, шурья, охолонитесь, – миролюбиво ответил Степан, – проходите-ка лучше в мой дом, к свадебному столу, там и поговорим.

– Мы тебе сейчас устроим свадьбу! – все больше распаляясь, закричал Иван и повернулся к Ольге, – кому сказал, марш домой!

– Ольга никуда не пойдет, – Степан старался сохранять спокойствие, с его горячей натурой это было нелегко. – Была твоя покорная дочь, а нынче моя законная венчанная жена. Так что твоя власть над ней окончилась. И, ей-богу, лучше вам со мной поладить.

– Ах ты, вор! Бей его, ребята!

Иван вскочил на подножку коляски, ударил Степана кулаком в лицо, схватил за грудки, пытаясь вытащить и повалить его на землю. Один из братьев поднял кол и замахнулся. Ольга

закричала, схватила кнут и огрела брата по руке, тот взвыл. Второй брат вскочил на подножку коляски с другой стороны, поймал кнутовище, выкручивая его из рук сестры. Степан недаром работал в кузнице, силушкой бог не обидел. Он оторвал от своей рубашки руки Ивана, приподнял его и вышвырнул из коляски.

Со стороны родительского дома бежали братья и племянники Степана, вооруженные кто дубинкой, кто колом, кто граблями – что под руку подвернулось. За ними бежала Маруся, тоже чем-то воинственно размахивая. Фурнье, отец и сыновья, увидев такое подкрепление, сочли за лучшее ретироваться, сыпля ругательствами и угрозами. Степан, прижимая ладонь к разбитой губе, оглядел подоспевшее «войско», усмехнулся:

– Ну вот, все гости, почитай, в сборе. Милости просим к столу.

Ольга расстроено разглядывала порванные на запястье кружева.

– Странная какая свадьба, – судачили разочарованные быстрым концом представления соседи, – не успели выпить, а уж передрались! Все не как у людей у этого Степана.

С того дня минуло шестнадцать спокойных счастливых лет.

В распахнутую дверь кузницы тянуло предосенней сыростью. Прохладный воздух освежал разгоряченную, лоснящуюся от пота спину Степана, занятого работой. Отцу помогал Тимоха – довольно крепкий для своих десяти лет пацан. Отцовский молот бил по наковальне глухо – бум-м, маленький молот сына звучал звонко – бам-с, а вместе получалась мелодия: бум-м – бам-с, бум-м – бам-с, бум-м – бам-с... И обоим Крутихиным было хорошо, весело от этой музыки. Мирную, размеренную работу прервало появление Нюты, старшей дочери Степана.

– Батя, мамка за тобой послала, рождает она. Наталья малышню к тетке Марусе повела, а я за акушеркой побежала. Ты бы шел домой. Может, помочь чего надо. Одна она осталась.

Степан отложил молот, сунул выкованную скобу в кадку с водой, поручил сыну загасить огонь и закрыть кузню. Дорогой все его мысли были заняты тем, кого им Бог пошлет в этот раз: долгожданного второго пацана или опять девчонку, шестую по счету. За Ольгу он не волновался. Здоровьем ее Боженька не обидел, носила и рожала она легко. Только что-то в этот раз рано рожать начала, ждали-то через месяц. Ну да мало ли чего, ошиблись с подсчетами. Когда Ольга сообщила мужу, что в тягости седьмым ребенком, он встревожился:

– А надо ли, Олюшка? Мне уж за шестьдесят перевалило. Сколько еще хватит моих сил молотом стучать? Не ровен час останешься вдовой с кучей детишек. Как подымать их одна будешь?

– Так уж он есть... Куда ж я его?.. Да вдруг, наконец, пацан? Я чую, что пацана рожу. Будет тебе долгожданный второй сыночек.

– Ну ладно. И впрямь, куда ж его? Только впредь поостеречься надобно. Хватит уже.

– Вот ты и поостерегись, – усмехнулась жена, – а то горяч больно!.. Поучает он меня!.. И не вздумай помирать!

С этими мыслями Степан вошел в дом и сразу почуял неладное. Жена стояла, прислонившись к косяку, одной рукой обняв опустившийся живот, другой держась за поясницу. Лицо ее было необычно бледным, всегда аккуратно собранные волосы в беспорядке разметались по плечам, влажные пряди прилипли к щекам.

– Степушка, акушерку бы надобно... побыстрее. Что-то не то со мной... – и, застонав, осела.

Степан подхватил жену под руки, то ли довел, то ли донес до кровати. Метнулся к двери, вернулся. Он растерялся, как быть: бежать за акушеркой, оставив Ольгу одну, или остаться с ней, дожидаясь возвращения Нюты?

Приехавшая вскоре акушерка осмотрела роженицу, вышла к Степану озабоченная:

– Поезжайте-ка за врачом. Быстро! Вот, передайте ему записку. Адрес врача я написала. Быстро! Быстро!

Степан кинулся запрягать коня, от волнения путаясь в постромках. Позже, доставив врача, он сидел на ступеньке своего крыльца и ждал. Он уже не думал о том, кто родится: сын или дочь, теперь не это стало важно, он молился о спасении Ольги. Пришли Нюта с Тимофеем. Напуганные, притихшие сели рядом с отцом. Он пытался успокоить, ободрить их и себя, говоря какие-то ничего не значащие слова. В сумерках вышел на крыльцо доктор, закурил. Тьма сгустилась вокруг красного огонька папиросы.

– У вас дочь. Девочка живая, но слабенькая, недоношенная. Не уверен, что выживет. Идите, попрощайтесь с женой. Ее спасти не удалось. Боковое предлежание плода... Это бывает при частых родах. Медицина тут бессильна.

Степан вошел в дом. Ольга покоилась на постели, вытянувшись под простыней с вышитым ее руками подзором. Рядом с ней лежал небольшой сверток. Акушерка переложила его на руки Степану:

– Ваша дочь...

Степан смотрел на маленькое красное личико, сморщившееся в гримаске, незнакомое, ненужное. Ему хотелось закричать Богу: «Зачем? Забери это, верни мне мою Олюшку!» Девочка завозилась, закричала, издала слабый звук, словно котенок запищал.

– Есть хочет, – сказала акушерка. – Кормилица вам нужна, иначе не выйдете ребенка. Я вчера принимала роды в Любимовке, там наоборот получилось: девочка умерла, а мать жива. Поезжайте, договоритесь, чтобы взяла вашу, выкормила. Семья-то хорошая, в избе чисто, и меж собой ладно живут. Вот только деток Бог не дает. Уж четверых родила, да все умерли. Глядишь, им ваша девочка в утешение будет.

Акушерка написала адрес, положила листок на стол. Маруся – Степан и не заметил, когда она пришла – взяла бумажку, сунула за пазуху, заплатила акушерке, забрала из рук Степана ребенка.

– Иди, запрягай Быстрого, поедem в Любимовку. Надо же, совпадение какое!

После похорон и поминок Степан напился, как никогда ранее. Дня три прошли в угаре. Очнувшись от громкого детского плача.

– Что... что такое?

– Что-что... Панечка ошпарилась! Кружку с горячим чаем на себя опрокинула! Не уследить мне за ними... а тебе и дела нет!

Нюта пыталась успокоить двухлетнюю сестренку, прикладывая мокрую тряпицу к обожженной ножке. На отца глянула сердито.

Степан сел, огляделся: в доме непривычный беспорядок, печь холодная, на столе остатки лепешки да кружки с недопитым чаем. Голова гудела, подкатывала тошнота. Держась за стену, выбрался на крыльцо, сунул голову в кадку с дождевой водой. Продышался свежим воздухом, подождал, пока остановится карусель в теле и вернулся в дом. Шесть пар детских глаз смотрели на него выжидательно.

– Тятя, а мы теперь бедные сиротки? – спросила пятилетняя Даша.

– Кто тебе сказал, дуреха? – шикнула на сестру тринадцатилетняя Наталья.

– Я не дуреха! Тётяшка сказала, когда мы тятю в трактирах искали.

Степан поднял на руки Дашу, прижал к себе.

– Запомните: вы не бедные – у вас есть дом, и вы не сироты – у вас есть отец. Да, в нашем доме беда... но нас много, вместе мы справимся. Анюта теперь будет вести хозяйство, вместо мамы. Наталья будет присматривать за младшими, и вы все должны ее слушаться, как слушались маму. Мы с Тимофеем будем, как прежде, работать в кузне. А ты, Глафира, поди в курятник, яйца собери, да кормушки проверь, пустые поди. Ты теперь будешь за курей отвечать. Нюта, кашу, что ли, свари. Или картошку. Малышню накорми, да нам с Тимошей в кухню собери обед: хлеба там, кваса.

– А наша маленькая девочка? Мы ее заберем? – спросила Даша, накручивая седую прядь отцовских волос на свой пальчик.

– Конечно, заберем! Она же наша, Крутихинская, – Степан вздохнул, аккуратно поставил дочку на ноги. – Немножко она подрастет, окрепнет...

– Чтобы с ней можно было поиграть? Да?.. Тятя, а ты не помрешь? Как мама...

Степан присел на корточки перед Дашей, прижал ее растрепанную голову к своей груди:

– Постараюсь не помереть, пока вы не вырастите большими. Только слушайтесь старших и помогайте друг другу. И все у нас будет хорошо.

– И ты больше не будешь пьяный? Не будешь уходить из дома?

– Вот это точно обещаю!

Глава 9. Тайна семьи Сластуновых

Февраль 1910 года, Бирск

Поднявшись вслед за Прасковьей на второй этаж, Агата очутилась в тесном коридорчике, в который выходили четыре двери. Хозяйка распахнула одну из них, и гостья вошла в небольшую уютную комнату, явно девичью спальню. Видимо, это была часть большой комнаты, отделенная перегородкой, упирающейся в середину низко расположенного полукруглого окна. Под скошенным потолком мансарды стояла кровать, застеленная лоскутным одеялом. Таким же Агата укрывалась в родительском доме. Пирамида подушек была накрыта ажурной накидкой. Похожей салфеткой был застелен резной комод, стоящий напротив кровати. На комод возвышалось зеркало, лежали всякие женские штучки: расчески, гребни, флакончики. У окна стоял круглый одноногий столик для рукоделия, заваленный мотками ниток, пальцами и прочими вышивальными принадлежностями. Рядом находилось полукресло, которое Прасковья предложила занять гостье. Сама расположилась на низком подоконнике.

– Давайте знакомиться. Кто вы и откуда?

Она внимательно выслушала Агату, прочитала уже порядком потрепанное метрическое свидетельство. Задумалась, разглядывая гостью, затем попросила обождать и исчезла за дверью. Вернулась через несколько минут с толстым альбомом в бархатном переплете. Расстегнув серебряную застежку, раскрыла альбом на одной из первых страниц и положила его на колени гостье.

– Посмотрите внимательно, может, кого узнаете.

На пожелтевшей и слегка помутневшей от времени фотографии Агата увидела вход в тот самый собор, в котором была сегодня. На ступенях стоял крепкий коренастый, уже немолодой человек в окружении детей разного возраста. Справа от него, чуть ближе к фотографу, расположились мужчина и женщина. Мужчина держал на руках укутанного в детский тулупчик маленького ребенка. Агата взяла со столика лупу, вгляделась в лица.

– Да, узнаю... Вот это мои родители, Барбара и Михал Свободовы. Только... как они здесь, в Бирске, оказались?

– А я объясню. Вот это, – Прасковья показала на мужчину в центре, – наш отец, тот самый Степан Фролович Крутихин, которого вы разыскиваете. Вот это, – девушка показала на маленькую девочку, держащуюся за его руку, – я. А вот это, – она указала на родителей Агаты, – Анна и Дмитрий Сластуновы, крестные нашей младшей сестренки Олюшки. Папа вынужден был отдать новорожденную дочку кормилице, поскольку мама наша умерла родами. Волей случая кормилицей стала Анна Сластунова из селца Любимовки. У нее все дети умирали, едва родившись, а муж очень хотел ребенка. Вот они и украли нашу девочку, сбежали с ней. Мы много лет искали их, но так и не нашли. И урядник не нашел, и филер из Уфы не нашел. И где же было найти, когда они, оказывается, аж в Америку ее увезли и документы фальшивые выправили... А вот этот ребенок у них в руках, похоже, ты и есть, наша младшая сестренка, Ольга Крутихина. А никакая не Агата. Такие дела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.